

«за ним повсюду всадник медный...» А.С.Пушкин

Ж У Р Н А Л

№ 10-11 (32) 2011

ЭТО

МОНУМЕНТАЛЬНО

ДООС — добровольное общество охраны стрекоз

Сартр: «Ад – это другие»

Париж, март 2005. Перформанс ДООСов

Елена Кацюба

Кристина Зейтунян-Белоус

Скульптор Розелин Гране «Сартр, идущий против ветра». 1986

Константин Кедров

Авторы парижской антологии-бilingвы «Русские поэты сегодня» у памятника Сартру в день презентации книги на Книжном салоне повторяют любимую фразу Сартра по-русски и по-французски: «Ад – это другие, l'enfer c'est les autrès».

Видео <http://video.mail.ru/mail/doorsad/141/459.html>

Каменных и бронзовых гостей принимали

2-3-4-5

Константин Кедров,
Кирилл Ковальджи

6

Виктор Ахломов

7

Сергей Бирюков

8-9

Елена Кацюба

10-11-12

Вадим Рабинович,
Александр Прокопенко

13

Александр Чернов,
Наталия Головки

14-15

Ольга Адлова

16

Наталия Азарова

17

Татьяна Бонч-Осмоловская,
Виктор Клыков

18

Илья Кутик,
Маргарита Аль

19

Марина Розанова,
Екатерина Поляничко

20

Владимир Монахов,
Денис Безносков

21

Анатолий Кудрявицкий,
Ирина Силецкая

22-23

Кира Сапгир,
Александр Севастьянов

24

Осип Мандельштам

25-26-27-28

Борис Лежен,
Эжен Гильвик

29

Кристина Зейтунян-Белоус,
Надежда Агафонова

30-31-32-33-34-35

Валерия Нарбикова,
Александр Лысенко

36

Сергей Стойко,
Полина Ерофеева

37

Александр Моцар,
Анатолий Гринвальд

38-39-40

Ольга Ильницкая

41

Валентин Никитин

42

Александр Бубнов,
Елена Грызунова

43

Антиох Кантемир,
Ян Пробштейн

44-45-46

Алла Рахманина,
Ирина Лесная-Иванова

47

Татьяна Зоммер,
Эмили Дикинсон

48

Александр Жуков,
Станислав Минаков

49

Алексей Торхов,

50-51-52

Александр Федулов

53

Александр Добровольский,
Юрий Метелкин,
Анна Перекрёстова

54-55

Алина Витухновская

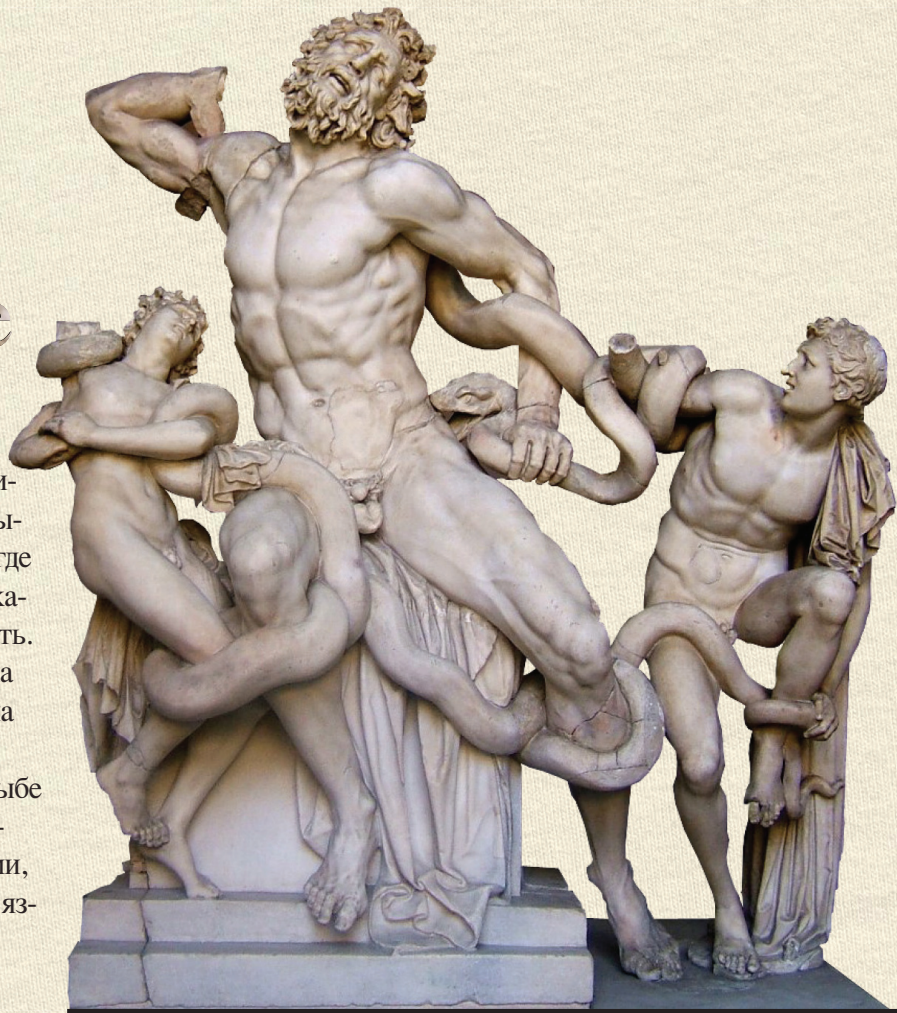
Константин Кедров

доктор философских наук
ДООС – стихозавр

Поэма в мраморе

«Лаокоон, или О границах живописи и поэзии» – именно так называется гениальный труд Лессинга, где он совершил великое открытие. Оказывается, скульптура может кричать.

Среди утраченных драм Софокла есть трагедия «Лаокоон». То, что на сцене разыгрывалось много часов, скульптор передает в молчащей глыбе мрамора, высекая из нее крик. Лаокоон и его сыновья сдавлены змеями, душащими их в кольцах объятий и язвящих ядовитыми жалами.

«Лаокоон и его сыновья» — скульптурная группа в ватиканском музее Пия-Климента

...А змеи уверенным бегом

К Лаокоону спешат, прежде всего малолетних
Двух его сыновей ухватили и, сжавши в змеиных
Тесных объятьях своих, пожирают злосчастных подростков,
Вслед же за этим к отцу, на помощь спешившему с братом,
Бросились обе и вмиг, свои исполинские кольца
Дважды вокруг стана обвив и дважды чешуйчатым телом
Шею стянув, над жрецом вздымают высокие выи.

Так об этом пишет поэт поэтов античности Вергилий. Лессинг пытается понять, каким образом стихи становятся скульптурой. Как могут бесплотные слова превращаться в живодышащий мрамор.

Мрамор кричит, а слова становятся мрамором. Мрамор неподвижен, но передает движение. Слова кричат, но в них таится мраморное молчание.

Похоже, что Лессинг говорит не о поэзии и скульптуре, а о жизни и вечности. Вечность молчит, но она бессмертна. Жизнь кричит, но она замолкнет, как замолкнет Лаокоон и его сыновья. Получается довольно странная вещь – жизнь коротка, а искусство вечно. И самое неразрушимое из искусств – поэзия. Мрамор можно разбить, а слово никакому разрушению не подвластно.

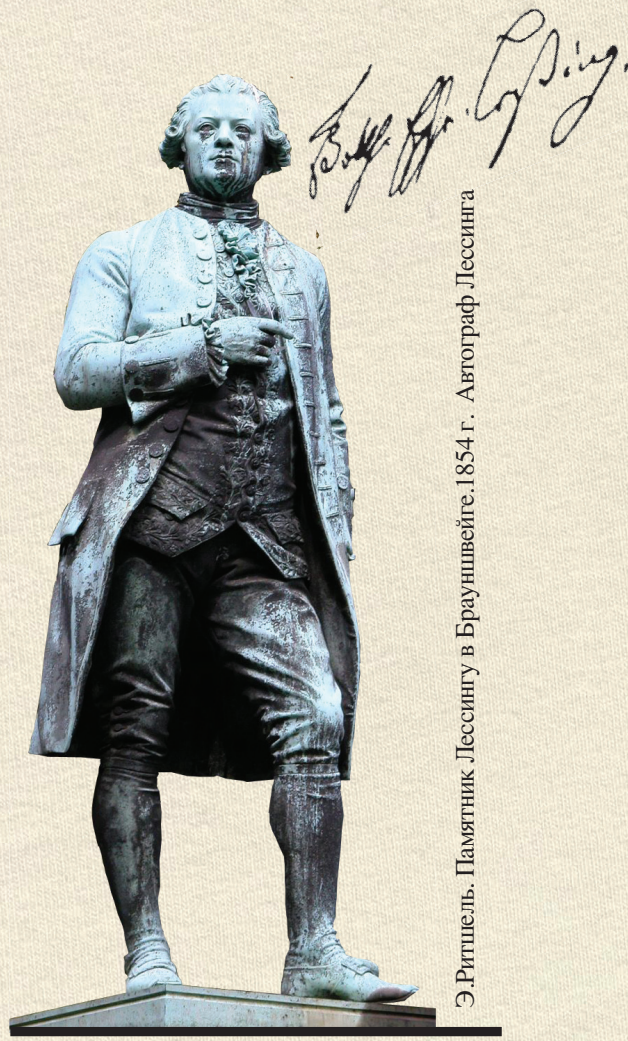

Вергилий. Мозаика из национального музея Бардо, Тунис

Поэты любят памятники и скульптуры. Скульпторы обожают поэзию. Стихи превращаются в памятники, а памятники в стихи. Еще Гораций начал состязание с Александрийским столпом, а там, в вечности, и Пушкин, и Маяковский возвели свои словесные монументы.

Лаокоон вырос из-под земли на раскопках недостроенного и разрушенного до основания дворца Нерона. Считается, что эту мраморную копию второй половины I века до н.э. изваял скульптор Агесандр Родосский. Бронзовый оригинал 200 г. до н.э. был создан в Пергаме и не сохранился. Нашли же мраморного Лаокоона в 1506 г. Узнав о находке, папа Юлий II послал в качестве экспертов архитектора Джулиано да Сангалло и скульптора Микеланджело Буонарроти. Они подтвердили, что это Лаокоон, которого упоминает Плиний. Но сама скульптурная группа подозрительно напоминает творения этого гения Возрождения. Не будем углубляться. Перед нами великая скульптура, породившая великий поэтический трактат Лессинга. «Лаокоон» – настольная книга гениального теоретика искусства и режиссера Сергея Эйзенштейна, написавшего под его влиянием трактат «Неравнодушная природа». Доживи Лессинг до наших дней, он бы и о кино написал. Лаокоон – поэма в мраморе. Писать ее можно вечно.

Вот мой «Новый Лаокоон»

Новый Лаокоон

Я проходил по кладбищу из смеха
где памятники в виде поцелуев
ухмылочек улыбок и гримас

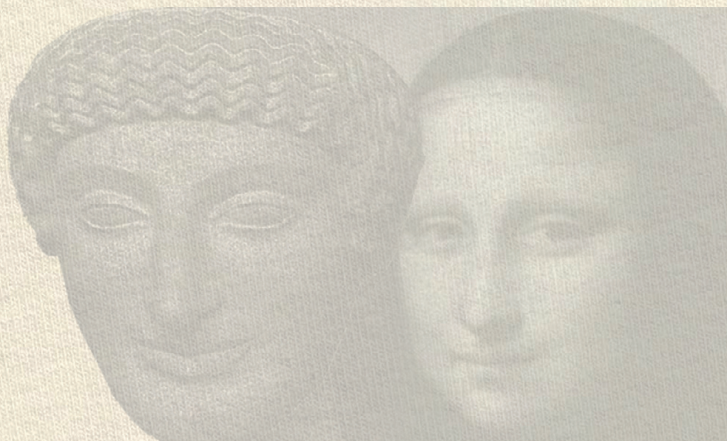
Вот памятник доверчивой улыбке
Вот памятник обманчивой улыбке
Вот памятник насмешек над собой

Сто херувимов радостных смеялись
Сто серафимов нежно улыбались
И только я с улыбкою печальной
стоял один на кладбище из смеха
и вежливо смеялся над собой

Вот памятник из нежных поцелуев
Губами я слепил сто торсов белых
Сто страстных слепков высились незримо
Я их воздвиг из воздуха любя

Когда тела от них освобождались
я их формировал в объятьях нежных
я их лепил собой из белой глины

Но более всего из поцелуев
и взглядов
образовывались слепки
то в виде мчащегося паровоза
то в виде вертолета
парохода
плывущего в морях из женских волн

Взгляд никогда ни в чем не повторялся
 Всегда он видел что-нибудь другое
 Другая грудь
 Совсем другое лоно
 Другие плечи и другие губы
 у женщины всегда всегда одной

Все сто одежд от тел освобождались
 и на полу как мы переплетались
 Все скомкано в клубок летящих тел

Из всех искусств важнейшее — любовь
 Она сродни ваянию из тела
 когда тела ваяют всех из всех

Герр Лессинг описал Лаокоон
 Там все неправильно
 поскольку все тела
 видны без пустоты
 творимой ими

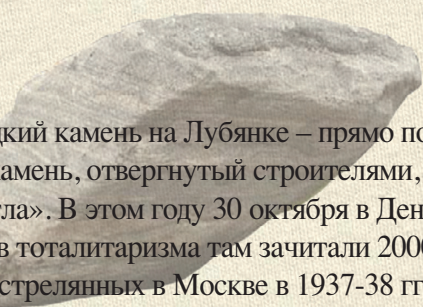
А интересна только пустота
 Она подвижна и необозрима
 Она останется когда тела исчезнут

И если эту пустоту заполнить
 получится собор апостола Петра
 со всех сторон облепленный телами

и Страшный Суд где мускульное небо
 из всех людей воскресших и умерших

На самом деле из одних объятий
 все можно сотворить
 что есть и было

Соловецкий камень на Лубянке — прямо по Евангелию — «камень, отвергнутый строителями, стал во главу угла». В этом году 30 октября в День памяти жертв тоталитаризма там зачитали 2000 имен людей, расстрелянных в Москве в 1937-38 гг. Осталось зачесть еще 28000 из тридцатитысячного списка. Примечательно, что лежит этот камень напротив клумбы, где раньше торчал Железный Феликс. Кто-то мечтает его вернуть. Будем молиться, чтобы этого не произошло!

Поэзия в камне

Гениальные памятники вопреки всему есть. Вот падающий Сартр в Париже во дворе здания старой Национальной библиотеки, прямо на нас падает. А вот земной шар в Нью-Йорке, оплавленный 11-го сентября. Его решили так и оставить. И правильно сделали.

Маяковский придумал памятник-взрыв: «Мне бы памятник при жизни полагается по чину. / Заложил бы динамиту / ну-ка дрызнь! / Ненавижу всяческую мертвечину! / Обожаю всяческую жизнь!» А как замечательно он подсаживал на пьедестал Пушкина. Кстати, слово «подсадить» в те времена еще не имело нынешнего подтекста. Подсесть на пьедестал — неплохо звучит

Если убрать с Тверской улицы Пушкина и Маяковского, Москва просто опустеет. Она и так на треть опустела, когда зачем-то куда-то уволокли Горького у Белорусского вокзала. Кстати, Горький теперь не Горький, а Тверской, раз улицу Горького переименовали в Тверскую.

И Маяковский уже не Маяковский, а Триумфальский. Кому-то пришлось в голову легендарную Маяковку

(площадь Маяковского) переименовать в Триумфальную. «Мужику в пиджаке» (кто ж его посадит!) не повезло. Метро «Лермонтовская» переименована в «Красные ворота». Стало быть, Лермонтов, что стоит напротив, теперь Красноворотский.

Есенин с хвостом ящера стоит на Тверском бульваре. С хвостом или без хвоста, пусть стоит. Без него бульвар не бульвар. И Тимирязев, похожий на Командора, пусть себе держит в руках свой каменный фаллос (если смотреть, подходя к нему сзади с левой стороны). Так даже веселее.

Мне посчастливилось открывать скульптурный портрет Милорада Павича, еще при его жизни, в атриуме Библиотеки иностранной литературы, и по просьбе писателя даже зачитывать его речь. Как бы от первого лица.

Участвовал я и в церемонии открытия в Москве долгожданного памятника Осипу Мандельштаму. Еле нашел то место, опоздав на открытие. И сейчас вряд ли найду. Далеко упрятали. А памятник хороший, профилем к небу. После этого всех поэтов стали ставить профилем высь, даже Бродского, который этого ох как не любил. Ну что с того, что Булат Окуджава, дворянин арбатского двора, выходит из арбатских дворов и арок не очень-то на себя похожий. Может, там, в вечности, никто на себя не похож.

Посчастливилось мне по просьбе вдовы Даниила Андреева Аллы Александровны участвовать в открытии мемориальной доски Даниилу Андрееву во дворе Литературного института, где я и в аспирантуре учился, и преподавал 13 лет, пока КГБ не отстранил от кафедры. Алла Андреева, к тому времени полностью утратившая зрения, читала наизусть стихи гениального автора «Розы мира». Читала абсолютно молодым голосом. По-моему, это чудо. Григорий Потоцкий недавно отлил и установил на свои средства у костела на Малой Грузинской памятник Матери Терезе. И надо же, открытие совпало с днями сноса францисканского приюта для бездомных в Москве. Да тут поверишь сразу и в Бога, и в черта.

С легкой руки Горация многие поэты возводили себе монументы.

Вот Державин призвал поэтов «в сердечной простоте беседовать о Боге и истину царям с улыбкой говорить».

Вот Пушкин перечислил свои, вполне реальные добродетели: «Что в мой жестокий век восславил я свободу и милость к падшим призывал».

Актуальность этих строк только возрастает. И свободу надо беречь и отвоевывать, и милость к падшим всеми силами пробуждать.

Кирилл Ковальджи

ДООС – кириллозавр

*

Пушкин знал, что станет памятником,
знал, что памятники оживают,
что тяжело пожать каменной десницы,
и что скаканье тяжелоозвонкое,
и что сам снизойдёт к Маяковскому
поболтать свободно и раскованно...

*

*Стою я на Тверском бульваре...
С. Есенин*

Мечтал о пушкинской судьбе
Есенин на Тверском бульваре.
Поодаль, но с поэтом в паре –
По праву думал о себе.

И вот в столичном перегаре
В металле вылитый, тяжёл,
Стоит он на Тверском бульваре,
А Пушкин площадь перешёл...

Виктор Ахломов
ДООС – линзазавр

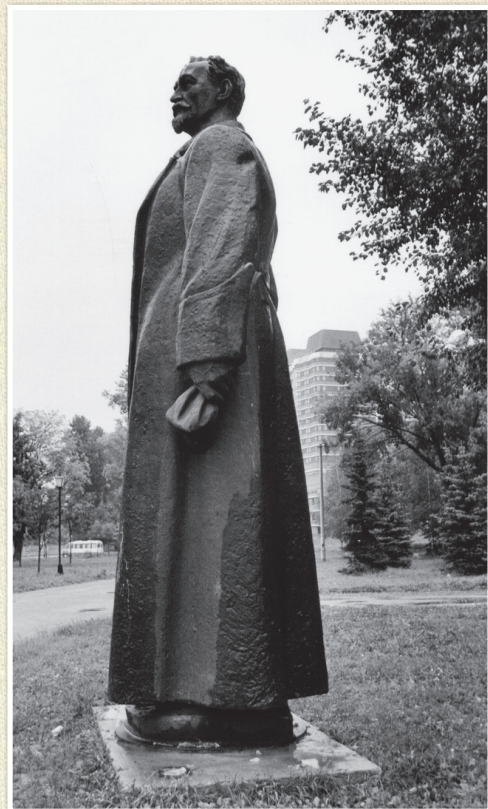
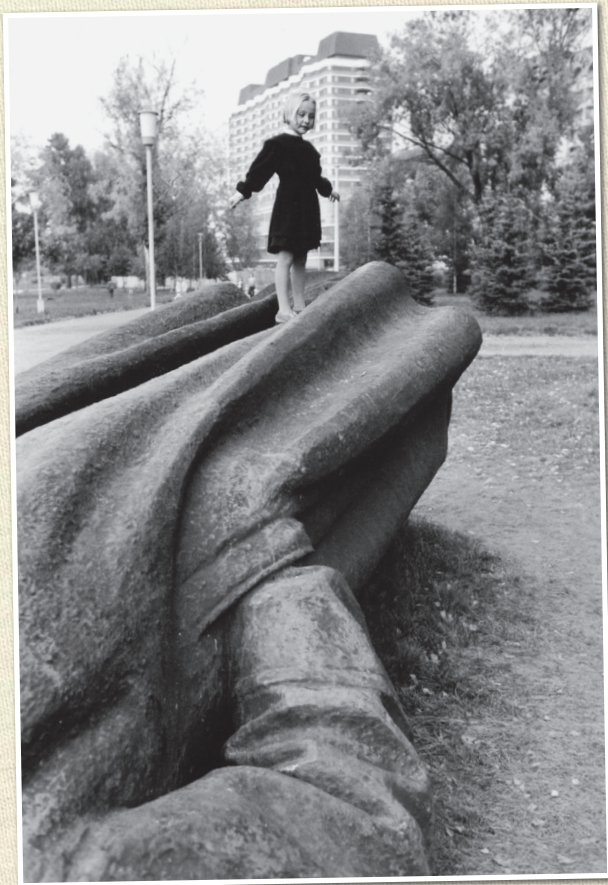
Москва, Парк скульптур Музеон
1991 – 1995

Памятник Феликсу Дзержинскому. Поставлен на площади Дзержинского
в 1958 г., демонтирован после путча ГКЧП 22 августа 1991 г.
Скульптор Евгений Вучетич.

Спокойно, это Железный Феликс упал!

*Гвозди бы делать из этих вождей, –
Больше осталось бы в жизни людей.*

Кирилл Ковальджи

Сергей Бирюков
доктор культурологи
ДООС — заузавр
Хале, Германия

Гораций знал
Державин знал
Пушкин знал
А кто не знал
Тот не сказал
Exegi monumentum!

В Москве в солнечный день у памятника Маяковскому

где памятник старится под небом
где голуби порой паруются
где неприкаянные влюбленные
и
не и
а а
а но
а нет
и да
вот как бывает
что историческая справедливость
торжествует нет
он хотел вам сказать
что это не так
что вы не сказали ему
что он романтический поэт
что он из книги выходит
застегивая переплет
что он не носит очков
что это у бурлюка был лорнет
что бурлюк высох потом
и рисовал портреты по фотокарточкам
посмотри что произошло
как проходил здесь сапгир
как володя алейников здесь был
а дима авалиани жил
почти напротив
на тверской ямской
он был почти лев толстой
он занимался вычислениями
как велимир
листы вертел как хотел
он видел человек
мог быть любовек
мы сидели с ним на ступенях
там холодно наверху
там ху
памятник это так
для отвода глаз
и вот как раз

ветреет

2005

Памятник В. Маяковскому в Москве на Триумфальной площади
(1935–1992 — площадь Маяковского). Установлен в 1958 г.
Скульптор А. Кибальников.
фотография Елены Кацубы

Елена Кацюба

DOOC – libellula

Он слышал шаги Командора

Памятник Дон Жуану в Севилье

Все случилось вовсе не из-за женщины. Дон Жуан, как гласит испанская баллада, плохо обошелся с черепом, лежащим на дороге, пнул его без всякого почтения. Ну и чтобы доказать, что ничего не боится, пригласил череп на ужин. Тот пришел и в ответ пригласил Дон Жуана к себе. Повеса пообещал. Но по дороге призадумался, вспомнил о Боге и спасся от ужина, на котором, по словам Гамлета, не он ест, а его едят. Потом возник и Командор, но все как-то обходилось. А уж потом поэты, прозаики и драматурги героя не пожалели – отправили прямоком в ад.

Памятник Александру Блоку в Москве. Скульптор О. Комов. Фотография Елены Кацюбы

В начале Донна Анна была дочерью Командора, а у Пушкина в «Каменном госте» стала его вдовой. Можно было бы подумать, что в Командоре ревнивый Пушкин изобразил самого себя. Но Пушкин отнюдь не каменный. Он – Дон Жуан, который не слышал роковых шагов Командора.

А вот кто действительно шаги Командора услышал, так это Александр Блок – и в русско-японской войне, и в Мессинском землетрясении, и в появлении кометы Галлея, и в гибели «Титаника». Два последних события – это как раз время создания стихотворения «Шаги командора».

«Пролетел, блеснув огнями, / черный, тихий, как сова, мотор. / Тихими, тяжелыми шагами / в дом вступает Командор». Будто на аэроплане прилетел. Сразу вспоминаются другие, пророческие строчки: «ночной летун, во мгле ненастной / земле несущий динамит». Мотором в те времена называли автомобиль. Черный автомобиль, крадущийся по ночным улицам, – это тоже угаданное будущее.

Свою Донну Анну – Незнакомку – поэт встречает каждый вечер в «час назначенный» – только она может назначать встречи! В то время как женщины отказываются от корсетов, курят, ездят на велосипедах, посещают пляжи вместе с мужчинами, Незнакомка подчеркнуто женственна – «девичий стан, шелками схваченный», шляпа с перьями и вуалью, кольца на узкой руке. Но на деле это самая крутая эмансипантка. Она сама выбирает, с кем встречаться. За ней право первой встречи и последней ночи. Ее нельзя соблазнить и невозможно от нее отделаться. Под темной вуалью нет лица,

Памятник слову
Памятник
 (анагриф)

только синие бездонные глаза где-то далеко-далеко, хотя сама она так близко, что траурные перья ее шляпы качаются в прямо мозгу у поэта. Появляется в туманном окне, садится у окна, но только приблизишься, и она растворяется в душистом тумане.

В конце XIX – начале XX века словно приоткрылась дверь в потусторонний мир. Научные открытия в технике и медицине позволили заглянуть внутрь живого организма. Психологи обнаружили в человеке незнакомого двойника – подсознание. Ожившие тени кинематографа, голоса, живущие на валиках фонографа... Почему и душе не странствовать отдельно от тела? Почему бы телу без души не бродить по ночным улицам? Для Блока тот свет – «отчизна скрипок запредельных» – не черная бездна, а «сияние небытия». В нем ледяное дыхание грядущих войн и революций 20-го века.

В неживом ослепительном свете белой ночи красная роза в бокале видится черной. «Вчерашний бледный бутон стал сегодня черным, как кровь», – слова из драмы «Роза и Крест». Черная роза – чернее крови горит на груди рыцаря Бертрана. Белая летняя ночь и белая снежная метель – два лика таинственной Незнакомки. Бульвары, где серебрился морозной пылью брововый воротник Онегина, замело теперь «кокаина серебряной пылью». Снежная маска и черная роза объединятся в смертельном танце на долгие годы.

Александра Блока Командор настиг в 1021-ом. Или все-таки – «себя самого я встретил на глади зеркальной»? Ведь поэт – это всегда Дон Жуан и Командор в одном лице.

Я
МАЯК
МАНТИЯ
 времени
МЯКИНА
 довольства
МАНИЯ
 Величия
МАЯТНИК
 история
КАМНИ
 протеста
ТАНКИ
 Власти
ЯМА
ПАМЯТИ
ПАМЯТНИК

Вадим Рабинович
доктор философских наук
ДООС – доосозавр

Земля- мавзолей

В ТОПИКЕ
припоминания
и утопическом
предвидении

Что вспоминается?

Вспоминается стихотворение
«Его зарыли в шар земной...»
(1944 год) поэта-фронтовика
Сергея Орлова, танкиста, едва
не сгоревшего в своем танке
и так и оставшегося с обожжен-
ным лицом. Я помню это лицо...

Почему именно это стихотворение вспомни-
лось, накоротко замкнувшись с названием того,
что сейчас сочиняется?

*Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолей земля –
На миллион веков.
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой....
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей...*

Земля-мавзолей сделалась памятником просто-
му солдату, без званий и наград. Земля в юпите-
рах Млечных Путей. А он – Председатель Зем-
ного Шара. По-хлебниковски. Только уже – его
сердцевина.

Таким стал этот земной шар после взрыва 11 сентября в Нью-Йорке.
Теперь он – памятник – стоит в Бэттери-парке на берегу океана.
Фотография Елены Кацобы

Потому что не над ним, а в нём. И безмолвен – в гро-
ме громов, в разбеге ветров. А он тих. И ему памятник
– Земля-мавзолей.

А он – душа Земли.

Но памятник ли, если вся Земля есть этот памят-
ник? Если вся, то какая же она памятник, если нет при
таком повороте дела не памятников, потому что вся
она – памятник? Может быть, она один из памятников
во Вселенной? Быть может, если только предположить
человекообитаемой не только нашу Землю, но ещё ка-
кие-нибудь небесные тела. Хотелось бы... Но с доказа-
тельствами пока не густо. И тогда Земля-мавзолей этой
своей тотальной мавзолейностью снимает идею памят-
ника и вновь становится живой Землей, предоставляя
свои сферические сегменты для частных памятников в
поучальное назидание нам и тем, кто будет после нас, в
честь событий и тех, кому мы этим событиям обязаны,
потому что они – ожогами в нашей забывчивой памя-
ти. Но земля сотворена не нами. И потому Земля как
«памятник» (теперь уже в основательных кавычках) не
рукотворна. И потому не в честь кого бы то ни было. В
том числе и этого бедного парня.

Но в поэзии возможно всё. И такое тоже.

Но... вспомнилось Горациево. Или – ближе – Де-
ржавинско-Пушкинское. Или ещё точнее: просто

Пушкинское: «Я памятник воздвиг себе нерукотворный...» Но... воздвиг. Ни потрогать, ни припасть, ни положить цветы, ни встретиться с любимой. Только слушать, нащёптывать, набарматывать... «Шататься по городу и репетировать» (а это уже Пастернак). Но зато и не снести, чтобы потом «восстанавливать».

Носить в себе памятник? Непосильно. Ведь monumentum, который ехегі, тяжёл и гранитен. Железен и меден. Бронзов...

Ещё одна закраина, выходящая за самоё идею памятника как статуарного топоса – на века...

Всеместный дух внепредметно витающий. Витать... Не от слова ли vita (жизнь), которая сущностно противостоит о-каменению, о-чутунению, о-деревенению?.. Зато жизнь эта означена местом, фиксирующим (= останавливающим) время.

Но... произнесено: место (пространство как ограниченный – о-ограниченный – фокус-топос) и время (хронос от и до). А если сложить, совместив, то получится хронотоп (концепт Бахтина). И потому памятник – хронотоп и есть. Речь, стало быть, идет о монументе, то есть о памятнике, зафиксированном в определенном месте пространства и воздвигнутом как память о событии когда-то произошедшем, причём значительном и важном событии. И если не для всех, то для многих. И пусть даже не для многих, а только для какой-нибудь определённой социальной или политической общности. На память!

А память прихотлива, избирательна. Но всегда тут как тут. И... мнемозийна, забывчива. Потому и зыблется памятник, мреет, дробится-троится. И средь бела дня, исчезающая... Александр Блок:

*Вот зачем в тени заката,
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.*

То есть Пушкинскому дому... Какому-такому? Отчего-почему? И, главное, зачем? Надо припомнить: во имя и в честь...

Хронотоп-то хронотоп. Но в топике припоминания. Но и на будущее тоже. А что там, в будущем?

Никто толком и не знает. Оно утопично. И потому будет ли у этого памятника тот же топос или вообще какой-нибудь топос – неизвестно. Сие лишь предвидится – так или эдак. И потому хоть и хронотоп, но в утопическом предвидении.

Во имя и в честь! Но по велению немногих, а для прочих – не спросясь и даже не посоветовавшись.

Но – помните! Причём не только здесь и сейчас, но – всегда! И от этого становится кое-кому (а может быть, многим) не только не по себе, но в минуты роковые противно.

А пока в миге настоящего свершились прошедшие и будущие времена, как бы упразднившие настоящее с

перспективой стать пустым местом. Зыбкое прошедшее и неясное будущее, сойдясь в сей миг и в сём месте, способствуют превращению чёрного чугуна в чугун-альбинос, чёрного мрамора в мрамор-альбинос, а эбеновое дерево чтобы стало тоже белоствольно-альбиносным, березово шелестящим, легковейно просквоженным. Замок на песке, снежной крепостью на солнце, солнечным зайчиком...

Избирательность и прихотливость памяти о прошедшем и мороки будущего – всё это исконно человеческое memento mori памятника как пространственно-временного знака, навсегда отметившего это место, в котором сбылись исторический и личный пути.

Но так ли уж пусто это место в точке настоящего? Пустея, оно же и полнится действительно свершившимися вызволенными памятью событиями прошедшего. Но и загадами на будущее, ставшими мечтой. А мечта, как известно, всегда более реальна, чем то, что сегодня. Потому что только мечтой и живут, чем и заполняют пустующее сейчас.

Таким образом, сей миг на данный момент вечности есть со-бытие прошедшего и будущего, но и не-бытие того и другого в их ускользающей неопределенности.

Ставшее, и потому должное перестать, становящееся, и потому должное стать. Вечно гамлетовское быть или не быть, где реальнее всего это самое живо трепещущее или...

Войти в чистый хронос. Или, напротив, стать вневременным топосом. Коллапс пространства – коллапс времени. Или так: саморазрушение памятника, освобождающего место для другого памятника потому, что свято место... и т. д. Пустое место, мучающееся фантомной болью по ампутированному телу – памятнику в его пространственно-временной континуально-статуарной живости и свершённости.

Совершенности.

Земля мавзолеей? Нонсенс чистой красоты пустого места. А на этой земле – всё на свете: сносят памятники; как это принято, никого об этом не спрашивая, восстанавливают их вновь, новодельничают, строят новые. И вновь за старое: сносить и строить, строить и сносить... Мавзолеейничают и бармалейничают.

А кони умирают и дышат,

А травы умирают и... сохнут.

А солнца умирают и... гаснут,

А люди умирают и... поют песни.

И песни эти «не задушишь — не убьешь», потому что они нерукотворны.

«И дышит почва и судьба» (Пастернак)

Они – почва и судьба – и есть пустое место для всяческих будущих памятников. А самоё это пустое место есть наисовершеннейший памятник памятников в его невозможной возможности не быть – быть – не быть...

А теперь — под конец... — два стихотворения, пригодных в дело (если только можно назвать наше слово каким-никаким, но всё-таки делом).

Межиров:

Вы, хамы, обезглавив храмы
Своей же собственной страны,
Вступили в общество охраны
Великорусской старины.

Евгений Блажеевский:

Когда я верить в чудо перестал,
Когда освободился пьедестал,
Когда фигур божественных не стало,
Я, наконец-то, разгадал секрет, —
Что красота не там, где Поликет,
А в пустоте пустого пьедестала.

Что же в итоге?

Памятник как возможность памятника.
Книга как возможность книги.
Человек как его возможность.
Жизнь как возможность жизни.
Такой вот, понимаешь, мавзолей получился.

А это мой памятник —

Если...

«Если умру я, если исчезну...»
Илья Сельвинский

Не надобно вашего нижнего неба,
Не нужен мне также ваш верхний овраг.
Во мне моё солнце, хотя и от Феба,
И мрак Преисподней — мой собственный мрак.
А верхний овраг пусть глядит в свою бездну,
А небо внизу пусть темнеет внизу.
Но если умру я и если исчезну,
Ничтожность свою я с собой унесу.
Никто никогда ничего не узнает,
Что некто когда-то здесь дни свои жил,
Кого-то любил он и чем-то был занят,
Из слов матерьяльное, кажется, шил.
И только два-три городских сумасшедших
Начнут приносить городские цветы
И думать о нас, в никуда перешедших,
У клёна ли. здесь или там у ветлы.
Придут и воскличут в зияние неба,
От мира сего прорываясь вовне,
Вина отхлебнут и отломят от хлеба...
Это ко мне! Это ко мне...

Джек Лондон. Барельеф Ф.Х.Фрелиха, 1913 г.

«...я шагал... по межзвездным пространствам, опьяненный сознанием, что меня ждет великий подвиг, который даст мне познать все космические законы и постигнуть великую тайну тайн вселенной». Джек Лондон «Смирительная рубашка»

Александр Прокопенко

Звездный странник

Смирительная рубашка дыхание затрудняет —
В крови теперь много углекислоты,
Он счастлив по своему — ему никто не мешает
Лететь к своим звездам сквозь серый бетон стены.

Бетонную стену он просто не замечает —
Распахнут пред ним галактики млечный путь,
Здесь звезды живут, рождаются и умирают —
Блестящие брызги, они так похожи на ртуть.

Он знает их всех, он обращается к каждой —
К стандартным и к тем, у которых свое лицо.
Зыбка эта грань — для него совершенно не важно,
Он любит их всех, он их создал, в конце-то концов!

Он двигает их одним повеленьем рассудка,
Погасит ту, эту возьмет и зажжет,
Он очень серьезен — он знает, что это не шутка,
Он твердо в них верит, он с ними, и он их зовет!

Едва светит ему, за решеткой квадратик окошка,
И за ним его Цербер следит через круглый глазок,
А он шепчет ему:

«Ну позволь же еще хоть немножко,
Мне, как страннику звезд, полетать
среди небесных дорог!»

Александр Чернов

ДООС – днепрозавр
Киев, Украина

Рыбавль

Небесный месяц, словно слово,
висел над кепкой рыбакова,
и понимал рыбак под нимбом
подробный ход подводной рыбы.
Не ошутимая на ощупь,
дышала воздухом природа,
среди сонливости всеобщей
она ждала переворота.
Над отраженными мостами
спокойно плавал свет вечерний,
но беспокойными мозгами
в консервной банке жили черви.
Пока рыбак в теченье часа
по дну реки грузилом шарил,
в одну критическую массу
сомкнулись черви полушарий.
Как стебли выловленных лилий,
слагая кольчатые числа,
на берегу зашевелились
доисторические мысли.
И тут под черепом жестяным
возникло тело обезьяны
с лохматым торсом и душою
полузвериной и большою.
Вдруг в череп муха залетела,
пуская дым, пропало тело,
но мысль червивая предела
не ощущала. Вслед за телом
возникли сфинксы и гробницы.

Потом исчезли. С криком птицы
стократный образ петуха
засеменил на трех ногах,
как будто гусь, метнулся в реку
преодолея ее и часто
за горизонтом кукарекал,
пока

разваливался
на части...

А рыболов царапал воду,
его рука улов искала.
Его резиновая обувь
раствор воды не пропускала.
Он в рыбу верил, как в науку.
И по ночам протяжно думал
поймать серебряную щуку,
и не дышал, как будто умер.

Памятник рыбаку в г. Камнск-Шахтинский.
«Большая рыба» в Белфасте, Северная Ирландия.
Коллаж Елены Кацовой специально для ПО.

Белгород. Скульптура
«Воспоминание».
Авторы Тарас Костенко
и Дмитрий Иванченко

Бабушка пишет

Наталия Головки

Севастополь, Украина

Бабушка пишет на кухне стихи.
Строчки задумчивы, строчки легки.
Мысли ее далеко-далеко...
А из кастрюльки бежит молоко!

Бабушка с внуком на школьной площадке.
Снова в руках карандаш и тетрадки.
Внук улыбается: «Все как всегда.
Гол ей забить не составит труда!»

Бабушка с таксой идет в переулке.
Важно, степенно – они на прогулке.
Через минуту, ну надо ж, как скоро,
Такса преследует в парке боксера.

Встретиться с музой бабуле проблема!
Это, пожалуй, отдельная тема.
Трудно, – скажу напоследок об этом, –
Бабушкой быть, да еще и поэтом.

Мои Каменные Гости

*Голос правды небесной
Против правды земной.
М.Цветаева*

Есть некоторые удачные памятники – «каменные гости», которые стирают грань или ставят знак равенства между землей и небом. В этом их прелесть.

Первым мужчиной, в которого я влюбилась, был памятник Лермонтову в Пятигорске. Фотография запечатлела меня то ли в пятилетнем, то ли в шестилетнем возрасте вместе с памятником поэту; во всяком случае, долгое время он являлся как бы моим «Каменным гостем».

Вообще говоря, мы должны отметить несомненную удачу этих зримых метафор, этот художественный перевод с небесного языка на

Памятник Лермонтову в Пятигорске. Скульптор М.А.Опекушин, 1989 г.

земной. Зримый переход творения бесконечного в конечное. Поскольку он так же неуловим, как и переход обратный, так как человек есть зримый переход конечного в бесконечное. Когда же некоторые персонажи вокруг тебя, которых ты помнил вживе, Юрий Никулин, например, встречают тебя уже как бы в иной, бронзовой одежде, впечатление еще усиливается необычайно.

Вот это, пожалуй, главное переживание духовного порядка: понять однажды, что границы между тем и этим светом НЕТ. Каменные гости – среди нас, и одновременно мы все – каменные гости. И первая встреча с незыблемостью этого порядка может произойти среди обыденности, как у пушкинского Дон-Гуана. Вообще мне кажется, и в этом убеждаешься, особенно если театрально, наглядно пытаешься проиграть его «Маленькие трагедии», то сталкиваешься с тем, что в них нет иных героев, кроме Пушкина: он – Моцарт, и он же сам и Сальери, он – Дон-Гуан, и он же – Каменный гость, он – Пушкин, словно стоящий лицом к лицу с зеркалом. Встреча его с Каменным гостем – одновременно встреча с бессмертием. Но разве только с бессмертием Командора? Нет, одновременно с собственным бессмертием. С несомненным бессмертием собственной души. Как у Бродского в «Элегии Джону Донну». «Герой стихотворения спрашивает: «Кто это ко мне обращается? Ты – город? Ты – пространство? Ты – остров? Ты – небо? Вы – ангелы? Который из ангелов? Ты – Гавриил?» ... «Нет, это я, твоя душа, Джон Донн» (из интервью).

После встречи с моим другим «гостем» я написала:

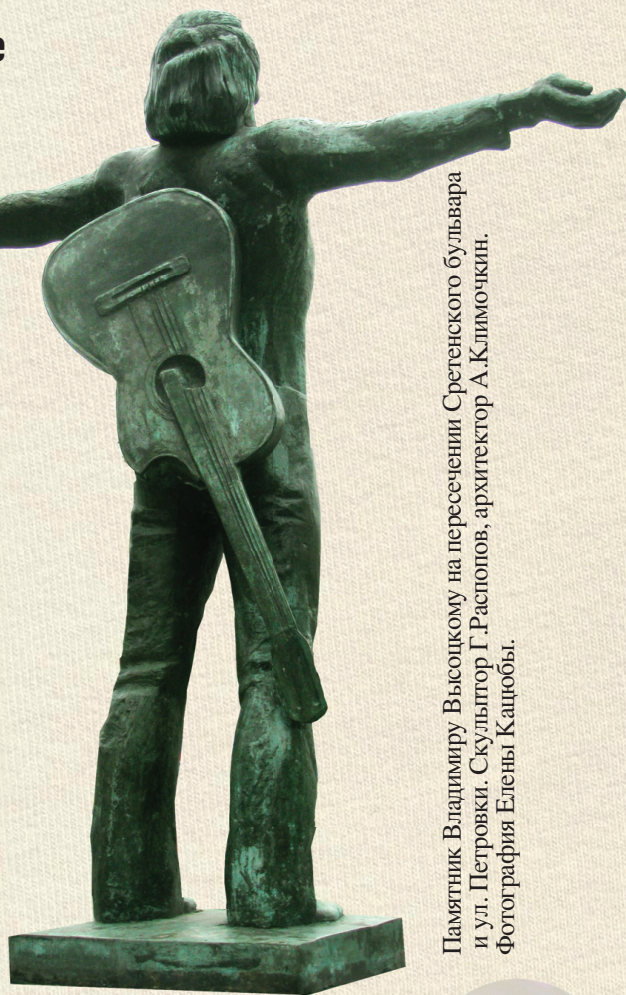
Мы будущее мертвых, мы для них, –
Единственной, незримой плоти их:
Летит душа, она приносит лед,
От них сюда, и он горчит, как мед.

Переход на Петровке

Ходим, ходим, ходим, ходим.
По Москве с тобою бродим.
Вот Володя умер здесь —

Здесь теперь сегодня есть...
Вот такая тут игра –
Помирать уже пора
Или можно подождать? –
Интересно рассуждать:
Пусть поставят нас вдвоем –
Или лучше подождем.
Ох и примем мы на грудь,
Как напишем что-нибудь:
Все при нас тут – и менты,
И свободы, и понты.
И Володя здесь стоит.
Пить нам много не велит.
Нами брезгует, заметь, –
Чтоб на пиво не смотреть.
А на самом деле он
Был типичный Командор,
Хоть, конечно, Дон Жуан:
Все в себе соединял,
Как и Пушкин, как и ты, –
Вы рабы одной судьбы!

Памятник Владимиру Высоцкому на пересечении Сретенского бульвара и ул. Петровки. Скульптор Г.Располов, архитектор А.Климочкин. Фотография Елены Кацобы.

Ну а матушка-Москва
Ведь теперь твоя жена
Так же блядствует она:
То жена, а то вдова.
Не хотела б, боже мой,
Никому судьбы такой:
Ни Володе, ни тебе,
Ни красавице-Москве:
Оставайся здесь со мной
Хоть на этот выходной.
А дорожку перейдешь –
В рай к Володе попадешь,
Что он сделает с тобой? –
Он загадочный такой...
Как бы этот переход
Совершить наоборот,
Чтоб Володя посидел
С нами, выпил и попел.
Но не спросишь у него,
Он не скажет ничего:
Рай другой – какой же он,
Коммунальный коридор,
Может, памятник земной
И не нужен нам с тобой,
И поэтов, может быть,
Тихо надо хоронить?

Саксофонная песня о Набокове

Набоков любил
существительные,
Как бог – любил
существительные.
Эти мыльные, эти мыльные
Пузыри...
О, как они
Существовали,
Когда они осуществлялись...
Тоскующие
о глаголах,
Не избежавшие
прилагательных,
Король,
Дама,
Ло-ли-та, –
Прозрачные,
прозрачные
вещи...
Эти мыльные,
Эти мыльные
Пузыри...
Набоков любил
Существительные,
Как бог-отец,
Любил
Существительные

Памятник саксофону в Бельгии в г. Динан

Рыцарь в Гусятниковом переулке (Москва). Фотография Евгения Зуева

каллиграфия

ты видишь горы
думаешь
они недвижимы
однако
они пройдут
как облака —

надпись в облаках
разглядывает
гонгора
над своим памятником
на площади

Наталья Азарова

друг ДООСа

.....

О.Н.

так много мест для полноты в пустыне
пóлно
человеки кончаются окнами кони
коровьи тени чайники гнёзд
тебе и без людей видна
нелёгкая одежда здешних
колючки качаются катится соль
эль тон соль мёртв бел гóлуб
че - м - не - ле - че - бни - ца
в степи смертельной повсюду двери в ум
пóлно
кость брось
брось узловую иллюзию
гость твой мёртвый воин под крышей
ты не зовёшь войну
ты с ней бесстрашна
не бойся

агония книг
ока-ме-не-лые-гимны

скульптор по-фамилии урарту
и-даритель рафаэль из-парижа

и-даритель аршак из-лос-анжелеса
оформили евангелие от алладина

книга велика как перевод-аристотеля
как опровержение ересей

как умбоны щитов
гикающих

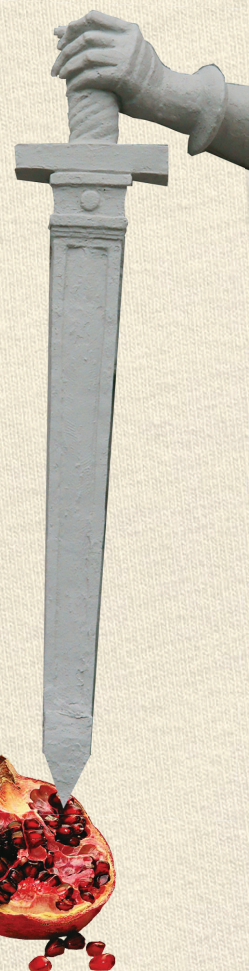
защищающих
место от мест

лощила-полировальный-камень
всё-глядят статуэтку неизвестного бога

вечный глянец

притягивает-армию
мух-треугольников

мухи —
канечники стрел

(взрыв
осеннего
граната)

Татьяна Бонч-Осмоловская

кандидат филологических наук
Сидней, Австралия

Мегалиты – крупные каменные блоки, соединённые вместе в замкнутые круговые сооружения. Назначение древних мегалитов утеряно, есть предположения, что они использовались в культовых или астрономических целях во время солнцестояний и равноденствий. На рисунке показан «невозможный» лунный мегалит: в то время как верхние плиты расположены по окружности, нижние направлены в центр, куда падает лунный луч.

Полнолуние среди мегалитов

Компьютерная графика

Виктор Клыков

ДООС – австразавр
Вена, Австрия

Пушкин в Вене

Бронзовый Пушкин который уж год
по Вене гуляет. Он в Вене живёт.
Австрийские дети с ним в прятки играют.
Родители рядом. «Кто это?» – гадают.
Но может быть, Пушкина кто-то и знает
и сказки его своим детям читает.
А Пушкин, наверное, к Вене привык:
Он тросточкой венцам приветливо машет
И, кажется, сказку сейчас им расскажет.

Вечер в новой Вене

луна серпом блестящим
повисла в небе чёрном
к ней устремились башни
с поверхности земли

но как им ни стараться
луны им не касаться
хотя они как люди
в месяц влюблены

Памятник А.С.Пушкину в Вене.
Скульптор Ю.Г.Орехов

***

Я становлюсь похож
на памятник.
Он бродит и
пока ещё живой
наполнен жизнью,
прожитою мной.
Я, как потухшая звезда, –
источник информации
и знаний –
и я ещё Земля.
Я жизни прошлой
принимаю свет,
хотя её давно уж нет.

***

Вечер, небо зажигает
огни – звёзды.
Вечер, люди зажигают
огни – окна и фонари.
Тайна в тёмном небе
и в каждом доме.
Бытия тайна, вечная тайна.

Илья Кутик

профессор Северо-Западного университета
Чикаго, США

Девушка чёрные очки, где твой шлем, где твой шлем?
Я не пью, не ем, девушка чёрные очки!
Твой шлем – он из золота, он – больше солнца,
И волосы твои под ним, как лучи, легки, девушка чёрные очки!..

Я стал одеваться в дёготь, как Фонда–сын,
Но пространство, которое образует байк,
Остаётся пустым для каких–то иных трясин
И сотрясений, которых не знал Клондайк.

Шарить отсутствующий клатч – это как в тумане
Искать прищепку, верёвки не находя
И белья на верёвке, – там, где все слепые Тамани
И её же ундины пронизательнее гвоздя.

И всё то, что творится у нас под кожей,
Тоже что–то ищет, нашаривает втихаря.
Так увеличенная ДНК похожа
На ловушку хоккейного вратаря.

Тянучись за невидимым, наша рука влажна,
А невидимое растяжимо, как будто клей.
Если ваша возлюбленная топает ногой, она
Не злится, а просто заводит отсутствующий Харлей.

Мargarita Аль

ДООС – сттрекозАль

Увитое гирляндой звёзд
бес-ты-же
увлекает в чрево неба
тайнами
мечту
души о теле
тела о душе
не форма удерживает мысль
другая связь пространства

Ангел Серебряного века

Инсталляция Margarita Аль

Скульптура у Байк Отеля
в г. Каменск-Шахтинский

К – РАЙ

Бог родился в теле человека не для того, чтобы быть распятым,
но для того, чтобы спасать.

Бог родился в теле стерляди не для того,
чтобы быть съеденным,

но для того, чтобы остался жив поэт.

Человек родился в теле бронзового памятника,
надеясь, что больше не будет чувствовать боли,
но не стал чувствовать вообще ничего.

Бабочка родилась в теле человека, думая, что сможет летать,
что еще можно ожидать от мозга бабочки,
но пару раз ей это все же удалось.

Человек родился в теле бабочки,
чтобы еще раз увидеть своих близких,
зная, что это будет стоить второй смерти,
но смерти после полета.

Зеркало родилось в теле человека не для того,
чтобы никто не верил своему отражению,
но для того, чтобы отражать.

Бог родился в теле горного козла не для того,
чтобы быть застреленным козлом в теле человека.

Но для того, чтобы вертолетным винтом
снес голову своему убийце, поведать миру о том,
что в теле человека не всегда живет человек.

Кто согласен еще раз родиться?

Гамлет.
Фрагмент памятника Шекспиру.
Стратфорд-на-Эйвоне.

Екатерина Поляничко

Бийск

Улитка

(проклятые звезды)

Стал полегче невидимый дом, что несу на плечах постоянно, что брести заставляет вперед, через пламя, опять через пламя. Занимается угол одежды, я гашу его голой ладонью, и на коже опять остаются письма, и вспухают водой... Зато глаза сухи, как солончак.

Стал потише неслышимый гвалт, это значит, заснули жильцы, до привала спокойно и ровно продолжу движение, чтобы их укачало, чтобы грезились им виноград, и пшеница и солнце в стекле, чтобы только жильцы не очнулись, не кричали, ножами друг друга не били, не любили друг друга под лавкой, не вопили похабные песни. Ради этого стоит через пламя спокойно шагать.

Станет кожа однажды потоньше, можно будет ее разорвать. Вместе с домом незримым отбросить с дороги усталое хилое тело. Любо мне представлять, как жильцы завизжат, словно бесы в свинье, как повалит от них жирный дым, сладкий дым. Будет легок невидимый дом, вознесется он к звездам проклятым, образующим мой гороскоп, предписавшим родиться улиткой

Бронзовая улитка во дворе филарки Санкт-Петербургского университета.
Скульптор В. Петровичев

Владимир Монахов

ДООС – братскозавр

Братск

Усечение «Памятника»

Горация-Державина-Пушкина
до словесного портрета
Владимира Монахова

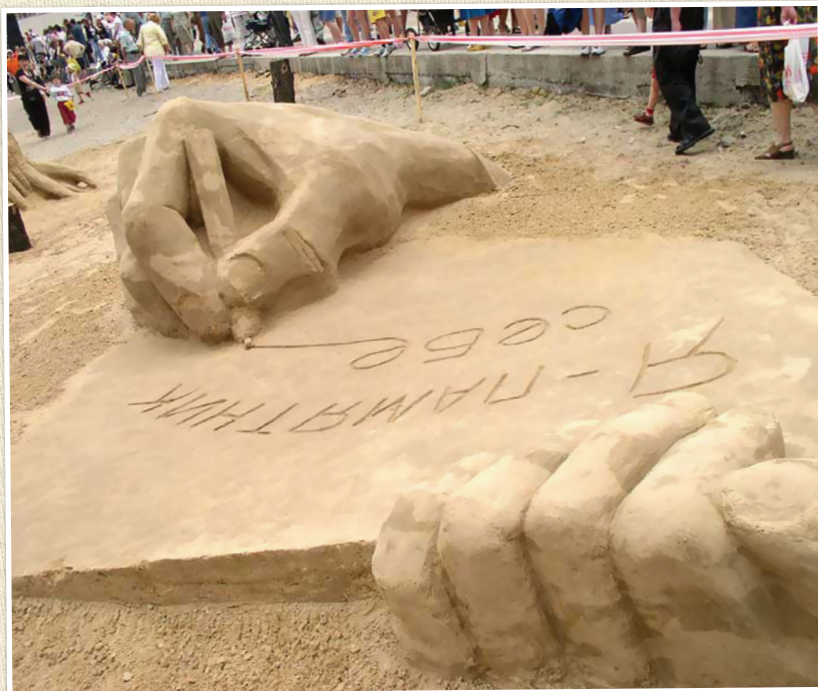
Я – ПАМЯТНИК СЕБЕ:
ДУША В ЗАВЕТНОЙ ПЛОТИ!

PS.

...надо выяснить,
в каком виде мысль живого
продолжает своё существование
в мертвом?

Вождь

Угрожал будущему:
Вот приду,
Вы меня ещё узнаете!
Будущее ухмылялось:
Ты уже у меня, но только
Стоишь памятниками
На главных площадях городов.
Стоишь, смотришь удивлённо,
Как люди живут не по твоим законам,
Хочешь исправить положение, а
Уже ничего не можешь сделать...
Стоишь и сердишься
Каменным сердцем разочарованного памятника!

Скульптура из песка «Я – памятник себе...» Авторы Юрий Фуштей и Иннокентий Коршунов, Киев, Оболонь, 2004 год.

Автопортрет

Стоит человек посреди базара –
Исполняет соло задумчивости.
Никто не интересуется ценой.

Пустяк

в башне из слоновой кости
никого не осчастливил...
даже самого себя

Денис Безносос

Буквы закончились

стихи стихли сотканные из старых тел
кастрированных смыслов строк про а б в г д
скрытая сукровица зажата между запятыми пяток
запятнанными бледными шушуканьями где
остановиться? говорить наотмашь
только то что хотел
в подвале рта подари азбуку морзе спи так
чтобы венера милосская уехала на велосипеде
потому что эдем увидел дым вместо адама и остыл
пока ты помнишь не помнишь катишь
свой камешек на горб вялой просодии
равновесие будет
рисовать фарфоровыми чашками на воде
остаток
надломленного слова несколько цифр и электрический стул

фотография Елены Кацубы

Великий Каменный Лик, или Бывают ли естественные памятники

Наконец изыскав в горах Великий Каменный Лик, мы обнаружили, что он огромная гипсовая маска. Мы даже истончились проникнуть за нее. В лобной пазухе вились летучие мыши, в карманах носа ужимались ужи, выше подбородка стояла гнилая лягушачья вода, придавая форму выпуклым мешкам губ. И ведь это те самые губы, малейшее шевеление которых так долго вело нас по жизненной стезе!

Поведение памятников

На вопрос «А что ты делаешь, когда тебя не видят?» памятникам отвечать не обязательно. Каждому понятно, что ничего предосудительного памятник, в силу своей основательности и статичности, совершить не может. Если же все-таки он вытворяет что-то не то, зовет народонаселение куда-то не туда, скажем громким мужским хором: «Это не памятник, это яма, вывернутая наизнанку».

Семинар, или Поведение рукотворных памятников

За круглоугольным столом скульптуры по очереди обсуждали достоинства каждой. Завершив словопрения, все они, кроме обсуждаемой, надевали падуанские шапочки и голосовали большими пальцами руки или, по наличию, ноги. За их спинами прохаживался не улыбчивый человек с тяжелым молотком. Он хищно ожидал результатов голосования.

Мысли о концептуальном увековечивании

Статуя Борьбы – сиамские близнецы, с двумя торсами и четырьмя кулаками, коими эти торсы друг друга окочачивают.

Памятник Легкости Движения – тяжелобронзовый автомобиль на гранитном пьедестале.

Монумент Человеческих Усилий – вчерашняя газета в корзине для бумаг.

Ирина Силецкая

друг ДООСа

Полу...

Полумеры, полувзгляды,
Полужизнь, полутона,
Полувстречи – как награды,
Полумир, полустрана.
Полуцарь сидит на троне,
То ли правит, то ли спит.
Скипетр свой сейчас уронит,
Иль удержит, и молчит...

Рассыпаются на части
Вновь рожденные миры –
Получувства, полустрасти
Черной манящей дыры.
Постепенно исчезают
В ней и нежность, и слова.
Полусемьи, полустаи,
Полусорная трава.

Полушепотом ты шепчешь
Полусны, полумечты.
Ни на грамм не стало легче
В мире, где есть я и ты.
Пыльным покрывалом давит
Полуутро, полуночь.
Полусон мозга буравит:
«Погубить? Спасти? Помочь?»

Тихо дремлет новостройка,
Превращаясь в долгострой.
За отрезок жизни – двояка.
Словно в стойло – вновь домой,
Как овес, жевать котлеты,
Чувствовать растет как хвост.
«Нужно ли, не нужно это?» –
Полумысль, полувопрос...

Обломки статуи фараона Хефрена

РЖАВЫЙ БОГ

Впервые я услышала это имя от отца:

— Кто такой Пушкин, знаешь?

— Знаю. Это тот, кто делает пушки.

Посмеялись и тут же показали портрет — в отрывном календаре, величиной с почтовую марку. Но отчего-то тут же портрет стал для меня очень большим. Такой же обман зрения, когда смотришь на луну — то она с подноса, то с монетки.

Ну, дальше была книжка «Сказка о рыбаке и рыбке», раскрашенная палехскими художниками. А потом — совсем одна я хожу по нетопленной комнате, нашей комнате на Малой Грузинской, откуда недавно забрали отца. Я учу наизусть «Евгения Онегина» — не для школы, не знаю для чего — может быть, из-за прихотливого совершенства строфы, которого еще не осознаешь? При этом была гордость, что теперь смогу вспомнить любую из строф.

Пушкин проявлялся в жизни час от часу, день ото дня, год от года. Маленькая картинка из календаря все росла. Пушкин стал толстым томом — из бабушкиного книжного шкафа с

витыми колонками, с мелкими выпуклыми зелеными стеклышками створок в частых свинцовых переплетах...

«Шли годы...»

Маленькая комната. 19 октября, день Лицейской годовщины. Пьяное лицо актера, «свадебного генерала» среди собравшихся гостей. Актер читает стихи. Его слушают люди, любящие Пушкина так, словно он часть их плоти. Часть речи. Часть души. Читаются все стихи, помеченные датой 19 октября — и в комнате клубится осенний туман, плывут незябнувшие царскосельские статуи, и в тумане словно желтоватая рука поднимает чашу гусарского пунша.

«Друзья мои, прекрасен наш союз!» —

Бархатный голос, злые глаза, светлая прямая прядь наискось, через красноватый лоб. Об актере говорили: пропил талант.

Стихи о 19 октября были не для него. Нельзя читать уходящему в прошлое строки, полные волнения, сверканья, нетерпеливого счастья! Он уже слишком не любил себя, этот актер, боящийся будущего, боящийся сцены, быть может, боящийся подступающей старости. Бывший красавец, полузабытый полубог.

— Прочтете, может быть, из «Медного всадника?»

— Из «Медного всадника?» — актер недоумевал. — Но ведь я... я никогда не читаю его... Я... забыл.

— Знаете, откуда? — но не успела я подсказать, как он оглянулся, словно просыпаясь. — Пойдите! Сейчас, сейчас... — и начал: «Раз он спал...»

...Свечи на столе оплывали. Их огонь зеленел сквозь полупустые бутылки. Лицо читающего

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус (Париж, Франция)

освещалось снизу огненными и зеленоватыми бликами. Темень заливала углы. Где-то под потолком ожил неслышимый ветер. Он задувал все круче, и под его напором все круче выгибалась, ржавым стеблем осенней травы, человеческая фигурка. Ее клонила — затылком к брусчатке площади — медная рука, и ржавые облака проносились над свинцовой рекой, заливающей осатаневший город.

В усмешке искривился пьяный рот:

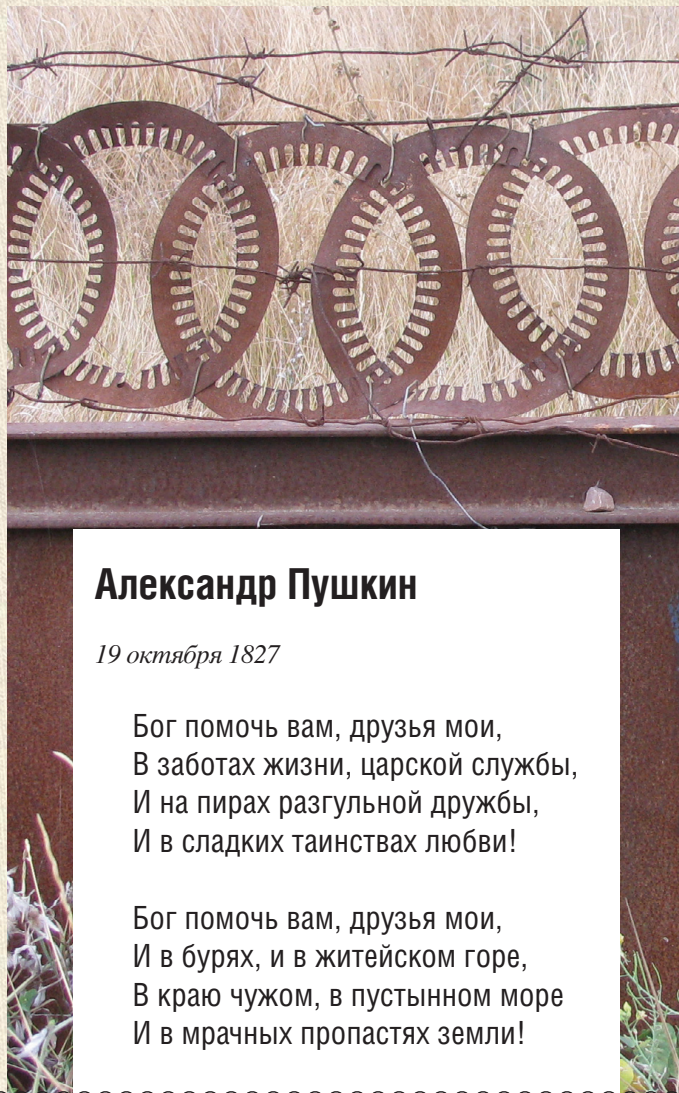
«Добро, правитель чудотворный,
Ужо тебе» —

Лицо актера разросло. Маленькая фигурка приблизилась, стала великаном, и город, огромный город, повел плечами-дворцами, ущемляя живое среди крошащихся глыб.

Актер выгибался кошкой. Цеплялся, ломая когти, за ускользящий полированный бок гранитного цоколя. Кошка карабкается вверх, чтобы спастись...

Мы пригибались к земле под напором невиданной силы урагана. Свечи в комнате, казалось, начали гаснуть — одна за другой.

— Все, дальше забыл, — вдруг остановился актер, в недоумении оглядываясь вокруг, словно отряхиваясь от грозного наваждения. — Выпьем, ребята! За Александра Сергеевича! Ура! А вы — молодец, что-то там такое есть, в этих стихах!

Александр Пушкин

19 октября 1827

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли!

Александр Севастьянов

Каменный гость

(Как из Пушкина)

Ну, здравствуй, мой закат печальный!
Я звал тебя и рад, что ви...
Нет, нет, не звал. Из дали дальней
Моей судьбы первоначальной
Не ждал я участи печальной —
Без слез, без жизни, без любви!

■ ■ ■

Пушкин был невыездной. Несколько раз даже бежать хотел за границу. Один раз через Кавказ пытался ускользнуть, а второй раз планировал даже через Китай. Ничего, конечно, не вышло. Теперь в виде собственных памятников по всему свету разбежался. А сначала даже памятнику не повезло. В 1912 году изваял Александра Сергеевича в Париже скульптор Леопольд Бернштам. Так Николай II выкупил бронзового поэта и вернул на родину, в Царское лицо. Он так и простоял в вестибюле родного Лицея до столетия собственной гибели — 1937 года. К тому времени Царское, то есть уже Детское село решено было переименовать в город Пушкин, а памятник вынести к народу — на Октябрьский бульвар. Там во время войны поэту особенно досталось — фашисты упражнялись на нем в стрельбе из пистолета. 142 пробоины осталось на бронзовом теле. В отличие от раны, нанесенной Дантесом, эти были уже не смертельны.

Елена Кацюба

Первый знак памяти Осипа Мандельштама появился не в России, а во Франции. 1 февраля 1993 года в Париже на здании Сорбонны укрепил мемориальную доску в честь 100-летия Осипа Мандельштама. Скульптор – русский парижанин Борис Лежен.

Осип Мандельштам

Язык булыжника мне голубя понятней,
Здесь камни – голуби, дома – как голубятни.
И светлым ручейком течет рассказ подков
По звучным мостовым прабабки городов.

Здесь толпы детские – событий попрошайки,
Парижских воробьев испуганные стайки,
Клевали наскоро крупу свинцовых крох –
Фригийской бабушкой рассыпанный горох.
И в памяти живет плетеная корзинка,
И в воздухе плывет забытая коринка,
И тесные дома – зубов молочных ряд
На деснах старческих, как близнецы, стоят.

Здесь клички месяцам давали, как котят,
И молоко и кровь давали нежным львят;
А подрастут они – то разве года два
Держалась на плечах большая голова!
Большеголовые там руки подымали
И клятвой на песке, как яблоком, играли...

Мне трудно говорить – не видел ничего,
Но все-таки скажу: я помню одного, –
Он лапу поднимал, как огненную розу,
И, как ребенок, всем показывал занозу,
Его не слушали: смеялись кучера,
И грызла яблоки, с шарманкой, детвора.
Афиши клеили, и ставили капканы,
И пели песенки, и жарили каштаны,
И светлой улицей, как просекой прямой,
Летели лошади из зелени густой!

Париж, 1923

* * *

Я молю, как жалости и милости,
Франция, твоей земли и жимолости,

Правды горлинок твоих и кривды карликовых
Виноградарей в их разгородках марлевых.

В легком декабре твой воздух стриженный
Индевет – денежный, обиженный...

Но фиалка и в тюрьме: с ума сойти в безбрежности!
Свищет песенка – насмешница, небрежница, –

Где бурлила, королей смывая,
Улица июльская кривая...

А теперь в Париже, в Шартре, в Арле
Государит добрый Чаплин Чарли –

В океанском котелке с растерянною точностью
На шарнирах он куражится с цветочницей...

Там, где с розой на груди в двухбашенной испарине
Паутины каменеет шаль,
Жаль, что карусель воздушно-благодарная
Оборачивается, городом дыша, –

Наклони свою шею, безбожница
С золотыми глазами козы,
И кривыми картавыми ножницами
Купы скаредных роз раздразни.

3 марта 1937

1. В одном из номеров литературного журнала *Lire* мне встретились эти строки: «Нет, собственно, необходимости говорить о письме Милье, так как красота его письма и разумность известны. Вот история вкратце...»

Пожалуй, в так называемом «письме», включающем стиль, синтаксис, морфологию... Т.е. саму способность нести, держать собственную «историю», выражается механизм прозы, которая после Сервантеса так основательно заполнила литературное поле нашего общества, вытеснив на его окраины все иные поэтические формы.

Ныне столь близкая к прозе, не отличимой для Мольеровского господина Журден от ежедневного житейского письма. Прозу, которую он практиковал, сам того не зная, сорок лет...

2. Несомненно, роман, прежде всего, рассказывает или воспроизводит картины, делает видимыми перед глазами читателя происшедшее и даже если действие происходит в будущем, все стягивается ко времени чтения. Кристаллизуется время романа.

Причем, как и фотографическое изображение, повествование романа возведено в ранг очевидности, несомненного свидетельства, доказательства некоей объективности, правоты.

Борис Лежен. Винный фонтан (фрагмент). Люксембург

3. В «Кратиле» Платон впервые ставит вопрос о происхождении слов, о возможности наименования и познания вещей. Для Кратила нельзя войти в реку, стремнину бытия, даже один раз, а не дважды как у Гераклита; мы перед реальной гносеологической проблемой, похоже, неразрешимой. Как можно описать, обозначить постоянно меняющийся мир!

Да и для Сократа решение не столь очевидно, он обращается за помощью к идеям. Кратил и Сократ расстаются, обещав друг другу продолжать размышления на эту тему.

4. Поэт Александр Введенский написал единственный роман. Он сетовал, что обычно время романа не имеет ничего общего с настоящим, в романе «нет смены дня и ночи, вспоминают легко чуть ли не всю жизнь, тогда как на самом деле вряд ли можно вспомнить и вчерашний день. Да и всякое вообще описание неверно. «Человек сидит, у него корабль над головой» все же, наверное, правильнее, чем «человек сидит и читает книгу». Единственный правильный по своему принципу роман – это мой, но он плохо написан». Увы, никто его никогда не прочел. Сразу после ареста Введенского его жена в страхе сожгла все его рукописи. Так и осталось тайной, как разрешил поэт проблему времени-памяти.

5. Вернемся к Сервантесу. В романе проходят явно две сюжетные линии. Первая – Испания времени автора, в ней разворачивается повествование, где путается бедный трогательно-комический герой, не в состоянии различить реально реальное от своих фантастических представлений, будучи в плену «рыцарских романов». Вторая сюжетная линия – это «рыцарский» роман.

Есть в «Дон Кихоте» затаённая тревожащая нота. Характерное безумие главного героя бросает тень на правдоподобие окружающего мира... и на способность новой прозы романа не ввести читателя в очередное заблуждение. Нужно подчеркнуть взаимосвязь этих линий, несущую характер тавтологической зеркальности. Причина и следствие меняются местами, как начало и конец.

В романе Льва Толстого «Анна Каренина» Анна в последней сцене вспоминает, что в день знакомства с Вронским под поезд падает человек. С этим воспоминанием она бросается под поезд.

6. Проза романа выстраивается как закрытая в себе самая система, по своим правилам, реальность сама по

себе. Подобно фотографии, элементы конструкции которой не взаимозаменяемы, любое значительное изменение одной детали ставит под сомнение целое.

Фотографическое изображение — это поверхность, перед которой нужно держаться прямо напротив, иначе функция нарушается, наступит искажение. В какой то степени проза имеет родственную изображению поверхность, поверхность экрана на котором развивается действие теневого театра. Движение фабулы повествования с одной стороны в другую по заранее составленному плану очерчивает предполагаемую поверхность. Положение зрителя прямо-напротив, — для полной иллюзии. Сдвинувшись, пропадет магия правдоподобности.

7. Одновременно с открытием Декартовского предположения «Я мыслю, следовательно, существую», точнее было бы сказать: «Я мыслю или мыслю, что существую», (впрочем, это по своему сделал Кант) наступает эра новой прозы с главной темой — эго героя.

Для прозаика прочесть тайнопись волн человеческого бытия, *misère* (нищету) человеческой жизни становится основной, главной темой. Писатель проносит зеркало своей прозы справа налево, от начала до конца, которые совпадают друг с другом. Правая и левая рука хлопнут сомкнувшись.

8. Герои Льва Толстого, как флюгеры на крыше под ветром гнутся под натиском урагана исторической необходимости. Что позволило Ленину назвать Толстого зеркалом русской революции. Герои «Человеческой Комедии» Бальзака, каждый в униформе, свойственной своему типу, кочуют из книги в книгу, составляя многообразные социальные комбинации. Герои романов Достоевского, продукты синтеза французского сентиментализма и широты русской души, прямо из подвала преступных низких чувств отправляются в небесные просторы святости. Красота спасает мир. Герои романов и слившиеся воедино с ними их творцы, как добрые пастыри, учат, объясняют, направляют, утешают, усыпляют, смешат, злят... и ныне — предлагается виртуальный клон, дубликат скрытых позывов, глубинных импульсов предполагаемого читателя, многочисленного литературного потребителя, представителя среднего магматического класса. Как будто бы сам читатель издал свои затаенные мысли, которые и сам себе боится произнести.

9. Сократ удаляется по берегу реки со своим другом Федром за городскую черту Афин в окрестности, под сень раскидистого чинара, вблизи прохладного источника и явственного присутствия богов:

«О, милое убежище! Вот чинар раскинувшись привольно, невиданных размеров! И прутняк, столь строен, бросает изящную тень; к тому же, он в полном цветении. Так что, это место полно благоухания; а под чинаром бьет источник чистейший, должно быть, посвящен нимфам и Ахелосу, судя по этим фигурам и приношениям. Заметь, как ветерок здесь нежен и приятен для дыхания. Он сопутствует своим гармоничным летним пением хору цикад».

Они удаляются размышлять на этом месте о красоте, любви и различию между устной беседой и письменной записью. Стремление быть поближе к богам, произнести речь им угодную, для Сократа есть путь мудреца, дорога к истинному знанию: «Войти в состояние, насколько это зависит от него, нравиться богам своими речами, своим поведением; ибо человек разумный, Тизиас, а это мнение людей более мудрых, чем мы с тобой, — это учиться нравиться своим товарищам по рабству между прочим, но скорей благородным и возвышенным господам...» Перевести на современный язык смысл этой цитаты можно

Борис Лежен. Море, горы

как необходимость пробить брешь в индивидуальном сознании наружу, и тогда в раскрытое окно этот виртуальный перископ перенесет звуки и образы издалека, из глубин памяти в поле словесной видимости.

Диалог, дискурс для Сократа не есть оторванный от мира, замкнутый на себе монолог, но многими нитями связанный с определенным местом и с определенным моментом времени. По Сократу, желательно слушать, как

в давние времена, дуб, камень, «если дуб и камень говорят правду», ведь по утверждению жрецов храма Зевса в Додоне первые пророчества вышли из дуба...

Эта связь с миром нарушена в письме. Для Сократа письмо лишь *memento*, памятка, меморизация того, что уже известно, в отличие от реминисценции событий подлинной жизни, до падения души в тело. У Сократа каждый дискур есть живой организм, имеющий тело, голову, конечности. Подлинная реальность Платона — это мир идей. Вне-материальная устная речь, вызванная подлинным воспоминанием (*savoir mnésique*) тянется к миру идей, и Сократ наделяет её метафорически реальным телом. Собственно, только в устном диалоге между двумя или несколькими собеседниками запечатлевается помимо воли самих участников в самой его структуре через эфемерность и непредсказуемость риторического движения беседы, диалектического восхождения, остаётся след про — видения, но лишь в мягком воске памяти. Запечатлевается неповторимостью мгновения беседы, зябью звуков слов под ветром времени.

Напротив, письмо мертво. Как персонажи живописи, вроде бы живы, но задай им вопрос, — в ответ лишь тяжелое молчание. Жак Деррида в своей работе «*La pharmacie de Platon*» концептуализирует действие, акт письма как отцеубийство. Убийство отца, отца речи. Для него отец речи, он же логос — есть сам говорящий. Несомненно, мы не слышим голоса говорящего, читая про себя; но если убийству есть место, то это смертельный обрыв нитей, тянущихся к платоновским идеям, это молчание голосов, о которых говорил Сократ в своей речи к Афинянам: «Это держится, — вы меня часто слышали... — в определенной манифестации одного из богов или божественного духа, который объявляется во мне...»

Может, анализируя письменность, взгляд Сократа располагает нас к объяснениям, — почему преступления, убийства есть излюбленные темы литературы, в особенности романа.

Письменность — это фонетическая запись графическими знаками. Она миметична, имитирует речь, является её изображением-image. И, если голос полон жизни, письмо отдалается от неё на другой, более абстрактный уровень. Для Жака Деррида письмо: «это потерявшая силу речь, совсем речь мертвая: мертвец живой, отстроченный труп, как отстраненная жизнь, без духа; призрак, фантазмагория, симуляция (*eidolon*) живой речи не оживленной». Поэзии же есть снисхождение, считает Деррида, хотя она также миметична, подражая голосу. По его словам: «Поэзия имитирует, но голос и в полный голос».

Борис Лежен. Пашня

10. В тридцатые годы прошлого столетия Гильвик написал несколько текстов в прозе. (*Guillevic Proses ou Boire dans le secret des grottes* les editions Fischbacher) Впоследствии, он не обращался ни к прозаическому, ни к критическому жанру. Посмертно они были изданы в 2001 году.

В небольшом рассказе «*L’histoire de l’attente*» (История ожидания) Гильвик описывает ожидание того момента, когда он будет в состоянии описать событие, происшедшее в его жизни и взволновавшее его. Описать равносильно объяснить, но ведь объяснение, уверяет автор, никогда не заканчивается — и, тем не менее, в рассказе ему устанавливается предел. Ему страшно дигрессировать, уклониться от выбранной темы, отступить от предмета рассуждения. Итак, нужно много смелости и явной воли для начинания. Он чувствует острую необходимость писать, не может быть по-другому. Однако Гилевик противится. Уже годы зреет у него желание написать об убийстве ос в один из летних дней, свидетелем, которого он оказался. Но страх сильнее необходимости. Он не решается начать, его мучает предубеждение, что жизнь закончится, вытечет, как прорвавшийся нарыв. Он боится рассказать об убийстве ос и в ужасе потерять рассудок. И если он смог пережить шок увиденной драмы в жизни, объяснить и описать это происшествие ему кажется невероятным: «Но это потрясение, если его потребуется объяснить, я скончаюсь. Нет, нет!» Даже если рисковать своей жизнью, чтобы передать то, что так волнует его, стоит этого, — он представляет с ужасом.

В сомнении спрашивает себя, действительно ли эта история достойна и может ли быть рассказана. И здесь, считает автор, не обойтись без длинных добавочных рассуждений: необходимо исследовать смысл повествования и искать отличие прозы и поэмы. Но этот процесс для него, почти как история с осами, ужасает. В конце текста, в скобках Гильвик вопрошает: «(Владею ли я собой, всем происходящим во мне и вне меня?)».

Гильвик подмечает все слабые места прозаического письма, принимая их на свой счет. История смерти ос накладывается на смертельность самого письменного действия. Гильвик поэт всеми силами пытался разрушить прозрачную стену между ним и миром. Чтобы слышать и понять голоса вещей и живых существ. Он вопрошал и представлял ответ камня, цветка, дерева, птиц, волн. В «Истории ожидания» он ждёт ответа от объясняющих, описывающих мир слов, расположенных в нужном порядке, но, увы, безрезультатно. Однако, сквозь этот небольшой текст просачивается, как вода сквозь намокшую ткань, некое подозрение. Появляется ощущение, что не всё так ясно, как хотелось бы самому автору. И его сомнения, несколько раз он упоминает о дигрессии: «Я боюсь запутаться в дигрессиях (уклониться от выбранной темы) — и что есть дигрессия, где она начинается?» — передаются читателю.

«Мне не хочется, чтобы вы сказали, что я хочу вас запутать и что я плут, который вместо рассказа об ожидании вас заставляет ждать рассказ, который так и не начинается. Нет, всё гораздо серьезней всего этого... И если я соглашаюсь на дигрессии, значит, не могу поступать по-другому». Вне сомнений, автор не написал историю «Убийства ос», но меж строк письма, белым письмом передаётся страх смерти, вызванный у поэта этим летним событием. Это меж-словесное пространство упомянуто у Введенского в его поэме Суд ушел: «между слов дрожат кусты / ходят венчики картин».

Не случайно Гилевик употребляет слова «guêpes massacrés», «massacres de guêpes» — резня ос. Обычно ос истребляют, уничтожают. Дымом, огнём, газом, ядом. Режут, бьют, убивают, избивают, увы, людей.

Этот вот человеческий ужас поэта, его прерывистое дыхание или нехватка дыхания, одышка в конце бега, чувствующаяся в ритме его повествования, в его сетовании — абсолютной невозможности преодолеть барьер меж виденным им однажды летом и листом бумаги перед ним, заставляет думать нас об осах. Об их смерти. Без описаний, par digression. Digression поэзии.

Борис Лежен. Гримасничающий Гильвик

Эжен Гильвик (1907-1997)

*

Стены, каким отчаянным воплем
Вы наполняете комнату —
Каким смертельным молчанием!

*

День ли будет
В полях
Или ночь -

Однажды ты непременно
Зачерпнешь ладонью
Дождевой воды из канавы.

Чтобы капля послушалась ветра
И упала на камень
Какой-нибудь древней стены
Между лесом и лугом.

Это нужно для камня,
Это нужно для капли,
Это нужно для нас.

*

Ну конечно, ручьи, и дома,

И туманы,
И божья коровка,

И корявый дуб над обрывом,
С огромным дуплом,
Как со вспоротым брюхом,-

Ну конечно, мы слышим ваш крик,
Его нельзя не услышать,
Этот крик вызревающих зерен,-

Потерпите еще немного!
Каких-нибудь два-три столетия,
И пожалуй,
Мы с вами друг друга пойдем

*

Нам хотелось всегда
Обогнать торопливое время,

Раньше него погрузиться
В свинцовую массу того, что еще не свершилось,

Заарканить вольное нечто,
Чего приручить не успело время,

И, прижимая добычу, глядеть,
Как, выбиваясь из сил, торопится время
К нашему берегу сквозь века и туманы..

Перевод Мориса Ваксмахера

Кристина Зейтунян-Белоус

ДООС

Париж, Франция

Памятник-фантом. Акварель Кристины Зейтунян-Белоус

* * *

По лугу гуляют командоры,
шиплют травку вставными челюстями.
Но время все расставит по местам, —
донжуанам будет веселье.

Овечки шустрые
к мясникам приветливы.
Впрок вяжут варежки
из собственной шерсти.

Все у них получится,
что судьба предвидела,
поцелуй сочные
и котлеты нежные,
на лугу приятном,
с музыкой и пением.

* * *

час бегемота и час грифона
час устрицы час орла
час ласточки час горгоны
час терять зрение и выходить из сна
час когда открываются двери
в огонь и воду ветер и стих
час когда в любую погоду
ты не тонешь и не горишь

Надежда Агафонова

Николаев, Украина

ОТТЕПЕЛЬ

Мои пальцы —
Свечи
В храме твоих ладоней.
Тают.

Оттепель — лучшая из религий.

ИЕРОГЛИФ

Глаза
Настежь распахнуты
В явь,
Сузившуюся
До рук твоих.

Иероглифом «Ты» по ладони —
Сплошная линия жизни.

Роден Руки влюбленных

Валерия Нарбикова
ДООС

...и путешествие

Роман. Начало в № 23–31

Вот и еще два месяца прошло, всего два. Это не час до отхода поезда. Это не пятнадцать минут под часами в ожидании возлюбленной, это не миг, когда звонит будильник, и хочется поспать еще пять минут. Это прошли два месяца жизни с завтраком, обедом, чтением, прогулками с собакой.

И Киса могла уехать с Александром Сергеевичем. Но могла и остаться. А могла остаться, а потом к нему приехать. Или он потом мог к ней вернуться.

Приятно, когда жизнь есть у других. И они с ней справляются, с этой жизнью. А когда жизнь твоя собственная, и ты с ней не справляешься, как же странно на тебя смотрят — ты уже не человек для людей. Ты уже объект.

И тебя изучают, и поучают, и хотят у тебя поучиться, ты даже не собака, не человек, почти морская свинка, которую не жалко. А почему не жалко? и почему морская свинка? Потому что ее нельзя приручить, как корову, лошадь, собаку, потому что морская свинка безмозглая и не может любить человека, она жалкая, она жальче человека, и только лошадь помогает человеку, и только собака защищает человека, и только морская свинка гибнет от человека.

Вот всадник! вот герой романа. Если бы лошадь умела писать! Ведь он ее оседлал. Он ее причесал. Научил вставать по будильнику и вовремя ложиться спать. Он водил ее в баню и парикмахерскую. Время ложиться спать. Он смотрел ей в глаза. «За что ты меня любишь?» — «за глаза», — «ну не за глаза же!» — «за глаза».

С Таней нужно было что-то делать.

— тогда я тебя возьму с собой, — сказал Александр Сергеевич, и он посмотрел собаке в глаза. А она ему — в глаза. А Киса — ему. А собака — Кисе. Чтобы Таня в Москве писала на паркет. Раз здесь нельзя. А в Москве можно. В Москве собственная квартира, а здесь хозяйская. И в Москве можно делать все, что только хочешь, а здесь все — что только можно.

— поехали вместе, — сказал Александр Сергеевич Кисе, — поедem!

— ты же скоро вернешься обратно, — так она сказала. И если она так сказала от чистого сердца, то что это за сердце? что за кровь, которую оно гоняет. Это

бессердечное сердце. Это холодная кровь. Или оно глухое, это сердце, раз оно не болит?

Тане купили намордник, билет, ей выдали справку, что она сучка, Таня, и что она здорова.

И стали прощаться.

Дождь был на следующий день. Он уже начался на вокзале, и под дождем быстро стемнело, как в кино. И Александр Сергеевич нес сумку, а Киса вела Таню. А что бы ты чувствовал на ее месте?

И Александр Сергеевич чуть-чуть отставал, а Таня оглядывалась — идет ли он. Он шел.

— можем опоздать, — сказала Киса.

Лучше бы этот поезд не пришел. Лучше бы его отменили, лучше бы у него не было колес. Но его не отменили, не укусили, и он пришел на колесах — вовремя.

И они поцеловались, Киса с Александром Сергеевичем. Как будто он уходил на войну. Болтовня. Как будто он улетал на луну. Болтовня. И они посмотрели друг на друга. «Не любит она меня что ли?»

А потом Александр Сергеевич втащил Таню в поезд. И они сели у окна. А потом поезд тронулся. А потом Таня когтями стала царапать по стеклу. Этот мерзкий скрип когтей по стеклу. И они были сейчас очень похожи — оба: Таня и Александр Сергеевич. У них были одинаковые глаза, с такой тоской в глазах. Глаз даже не было, вместо них была одна тоска. И поезд пошел быстрее, и Киса еще бежала за поездом, как дура, со своей собственной дурацкой тенью, но она уже не могла его остановить, потому что она была маленькой линией, таким всего лишь штрихом на платформе. И они двигались параллельно: поезд и она. А параллельные линии никогда не пересекаются, только, может, в огне, когда сгорают.

Домой Киса шла полумертвая, полуживая, без мужа, без собаки... а вот странно, она шла домой и сочиняла стихи, может, это не надо делать? и надо запретить? запретный плод сладок? стихи были про то, как бы про абсолютную тишину. Про то, что мир, он наполнен звуками: это поезд, часы, сковородка, чайник, автомобиль. Но иногда бывает так, что исчезает вдруг звук совсем. И даже эти звуки: чайника, автомобиля. И оказывается, что это полная пустота для человека, в которой нельзя пойти ни туда, ни туда-сюда. В этой пустоте даже нет шума дождя, вообще полное отсутствие шума, звука.

Это даже не затычки в ушах, а прямо в самом сердце ничего не слышно, как будто у сердца нет ушей.

Платить, конечно, нужно за все. Товарообмен. Но нет таких монеток и бумажек, которыми можно расплатиться за тот дождь на вокзале. Только стихами. Неужели и стихи — это тоже расплата? Тогда до свидания! пока! про это еще не написаны романы, а тем более трактаты. Только стихи.

Вот дословно пересказанная история пятилетней девочки: жил был Пушкин. И приходит к нему негр без ног. И Пушкин ему говорит: «ну здравствуй». И негр говорит: «здравствуй». Пушкин отвернулся и говорит: «до свидания, Таня».

— а причем тут Таня?

— забыла сказать, — сказала девочка, — с ним еще Таня была.

И вдруг все становится неинтересным: мороз и солнце, день чудесный, и даже становится противно — я памятник себе воздвиг... всюду цитаты. На вокзале — ямбы. В магазине — перифраз. На заборе рифмы — Шура-дура. И все самые смышленные, все самые-самые пользуются плакатами, это их гнездо, и они обсасывают, высасывают и отсасывают.

Картина Юрия Косаговского

Заграница начинается с Шереметьева-2. Не с Белорусского же вокзала. Но поезд с Александром Сергеевичем прибыл по-домашнему — на вокзал, и он по-домашнему прочитал: вы вложили? вы вложили... вы вложили! «Сидеть!» — сказал он. Вы вложили! — сидеть — вы вложили — сидеть! Вот оно счастье концептуалистов. Упаковались. И сидят в говне.

А что бы ты чувствовал на ее месте. «Сидеть!»

Не надо человеку думать о том, о чем как бы думают животные. Зачем Герасим утопил Муму, а ведь Герасим был немой человек, а Муму говорящая собака. Но Герасим ничего об этом не скажет, и Муму ничего об этом не скажет. И еще у них есть в глазах покорность, у

животных: у собак, лошадей, даже у священных коров. А у человека в глазах — огонь. Животные ходят на четырех ногах, а человек — на двух, а две остальные ноги у него как бы руки, более чистые, чем ноги, даже не в смысле ногтей, ухоженных, он ими ничего не делает, он ими себя обслуживает: раздевает, бреет, онанирует, похлопывает по щекам. И корова в этом смысле сильно отличается от человека, потому что она обслуживает себя хвостом.

В маленьком ресторанчике Киса заказала овощи, которые один человек быстро посадил, и они быстро выросли, а другой их быстро собрал и быстро продал, а другой их быстро приготовил, и теперь Киса их быстро ест. А рядом сидел господин, который ел индюка с грибами, и пока он ел, кто-то уже бежал уже за следующим индюком, вот он уже поймал его и убил, а потом сбегал и собрал грибы, а потом прибежал какой-то набегавшийся господин, прибежал и ест.

«Сидеть!» Очень хорошо, очень даже концептуально.

У тебя все концептуально, и пластмасса и Пифагор. А концепт, это всего лишь отработанная материя, вторичная, говно. И концептуализм — это гимн говну. Не раблезианскому, которое занимает такое же место, как плоть, кровь, жратва, питье. И не маркизо-де-садовское говно, которым можно поймать шлюху, чтобы она была создана как бы из одного куска говна. А говно — нормальное, просто отработанная пища, переваренная и брошенная в сортир. «Сидеть!» И была такая система, такая абсолютно герметичная, и у нее был даже король концепта, и даже отчество у него было концептуальное — Ильич. А имя так себе, просто Леонид. А все вместе — Леонид Ильич. И в это время при нем росли и выросли художники и даже поэты. И своего рода они были ассенизаторами, то есть концептуалистами, Они пропускали через себя говно, «сидеть», и производили «говно», качественно оформленное. Концептуализм — да, это качественно оформленное говно. «Говно» в рамочке под стеклом, говно в шляпе набекрень, говно в тужельках, и просто говно собачье. «Сидеть». И у одного концептуалиста, который наиболее качественно оформлял говно, была такая говенная игрушка: у него на чистеньких ниточках висели помойные записочки. И слова в записочках были грязненькие. И казалось, что эти чистенькие записочки как бы даже воняют, может, и от слов.

Конечно, русский язык не приспособлен для пророчеств. На русском языке они звучат или в лучшем случае смешно, или пошло. Также как он не приспособлен, русский язык, для радио. Потому что радио моложе русского языка. И все, что сказано на русском языке, по радио звучит или смешно, или пошло. Потому что русский

язык старше и умнее радио; и лучше, и чище. И вообще, все писатели скатывались с горки, как только начинали вещать: и Гоголь в своих неопубликованных письмах, которые никогда не отправлялись, «из переписки с друзьями», которых у него никогда не было; и Достоевский в своих поздних дневниках, где он одновременно монархист, антисемит, анархист, мазохист, и собственно, сам уже суффикс «ист» уже какой-то самостоятельный, как корень. Из-за него в сущности «монарх» кажется суффиксом, а «ист» корнем, в существительном «лист» «л» кажется буквой, а «ист» корнем, в прозвище «модернист» «ист» явно корень, а «модерн», черт знает что такое, во всяком случае, не корень.

Хорошо, когда холодно и поэтому мало говорят, И в холоде становится ясно, почему все цивилизации развиваются от тепла — к холоду. С юга — на север. Сначала надо в тепле все обдумать, поразмышлять, отогреться, а на севере высказаться. Люди любят про: насилия, войну, трупы, катастрофы. И любят Новый год. Самый любимый праздник, детский.

Между прочим, он уже подходил, Новый Год, и его нужно было отмечать.

На Белорусский вокзал прибыли люди, поэты и герои поэтов. Лирические герои. Но пусть, если поэт лысый, то пусть и герой его будет лысым, пусть он даже будет пьяницей, и пусть девушки его не любят, но пусть он будет хоть лирическим, но настоящим. И не надо, чтобы в стихах он пил в ресторанах, чтобы в стихах у него было много женщин, в стихах, а в жизни он бегал по журналам и пристраивал свои стихи про шампанское — воображение, конечно, великая вещь.

И если из окна купе была видна погода, то при отсутствии окна погоды как раз и не оказалось. Зато теперь из «погоды» — а была сырость и мелкий дождь — были

видны окна трех-четырёх-звездочных окон, то есть с улицы было видно то, за что они платят, глядя на улицу из окна.

И они шли, Александр Сергеевич с Таней, и Таня не была выучным животным, она даже не была слонем с грустными глазками, хотя глазки у нее были такие же грустные, как у слона. Она шла по грязи, Таня. А прямо за Белорусским вокзалом уже была луна. Несмотря на мелкий дождь, она была в небе, даже скорее это был мелкий снег. И они шли по круглой земле — Таня и Александр Сергеевич, — которая у Белорусского вокзала, земля, была плоской. Просто Белорусский вокзал был на земле. А сама земля была в воздухе.

И эта круглая земля отбрасывала тень в виде конуса. И каждый день, когда в Москве день, в Нью-Йорке ночь, и Нью-Йорк внизу земли, в самом центре теневого конуса, и конус доходит до луны, которая в океане неба, на дне океана, по ту сторону земли — то в этом конусе, как мокрый снег под фонарем, такие же белые и холодные, как луна, выются души всех сомневающих, они мельтешат, и у этих душ, как у снежинок, нет крыльев, и они не могут отлететь от земли, ветер их отбрасывает назад к земле, и они прибиваются к земле ветром и светом фонаря. И это чистилище под фонарем, это бездна Гекаты, такая мокрая, а души такие слабые, и они тают, прикоснувшись к земле.

Собственно, не хотелось бы жить еще раз. Собственно, еще раз не хотелось бы воплотиться. И если это правда, что есть такая бабочка, которая после куколки, как душа после мумии, может, Психея, то пусть все уж будет в этой жизни сразу — один раз: и один возлюбленный, и один муж, и сто любовников, и разврат, рестораны, кино, танцы, и розы, бассейн и чай в глубоком одиночестве утром, почти во сне, и все, все: снег тоже, и дождь под зонтом на троих, и шалаш, и тень, которую отбрасывает дерево (сосна?) на тот куст, который завтра будет срублен. Была ли эта тень?

После ресторанчика, вернувшись домой, Киса обнаружила спящего Сережу, он спящий, сидящий, спал-сидел на стуле.

Была ли эта тень?

Это был сон как бы американский. Как будто Сережу пригласили в театр? Это скорее было некоторое действие. Была небольшая, ярко освещенная сцена. И на сцене такой манеж, как бы для годовалых детей. И этих годовалых детей играли перезревшие бабы и мужики. Морщинистые, с отвисшими брюхами, волосатые, слюнявые. И они были голые. И они ползали по манежу. А вот пришли няни. Они ухватились за одного шестидесятилетнего малыша, волосатого и небритого, и посадили

его на горшок. Он пыхтел-пыхтел и покакал. Его перевернули и вытерли ему попку. И стали на него натягивать ползунки. Но его здоровый член выпирал из ползунков, и няня пыталась втолкнуть этот член поглубже. Младенец спустил. Ползунки были перепачканы в его сперме. Няня его стала шлепать. Он повизгивал. Рядом с ним лежала жирненькая стерва лет сорока. С небритыми ногами и волосатым лбом, она брыкалась, а потом заныла. Ей всунули соску, она пососала и выплюнула. Соску обмакнули в чашку с чем-то сладким, и опять всунули ей. Она зачмокала. С трудом на нее натянули трусы и распашонку. Под распашонкой болтались обвисшие, когда-то пышные, когда-то белые — буфера. Няни были очень хорошенькие: молоденькие актрисы, которые возились с говном старых мудаков. Они пеленали этих старых шлюх, от которых требовалось пошире расставлять ноги и чмокать от удовольствия, высасывая молочный коктейль. Неплохо сложенная мулатка, забила в угол манежа и отрыгнула. И няня стянула с нее ползунки, а другая няня принесла тазик, и они вдвоем стали ее мыть. Потом они посыпали ее тальком, шлепнули по попке, надели носочки и чепчик, и она уползла.

Всем этим действием заправляла дамочка в элегантном черном костюме, в шляпке с рожками.

В туфлях на высоких каблуках. Причем, туфли были так устроены, что имели два каблука, как будто эта дамочка ходила как бы на таких копытцах. И дамочка, и зрители поощряли младенцев. Особенно восторг вызывали моча, говно, сопли. А когда какая-нибудь престарелая сука блевала и ловко уползала, а подоспевшая няня наказывала за это не ее, а, к примеру, жирного очкарика, в зале проносился одобрительный смешок. И Сережа направился к выходу. Там горели такие зеленые буквы, и хотя они были вверх ногами, было ясно, что это выход. И уже у самого выхода при таком тусклом освещении перед Сережей возникла эта дамочка. Она улыбнулась ему, приоткрыв свой маленький ротик. У нее во рту было темно. Она открыла его пошире, и тут он увидел, что там во рту у нее ничего нет. Это была такая черная дыра, уходящая в бесконечность. Черная, как в подъезде со стороны черного помойного входа, когда перегорели все лампочки. Даже еще чернее. И из этого рта вылетело имя: «Таня». И особенно пасть ее открылась на букве «а», после придыхания. И пасть оказалась такая огромная, величиной с лицо. Это была как бы пропасть в лице. То есть лицо было как бы бумажкой, а за ней начиналась бездна.

Сережа открыл глаза и обнаружил себя спящим. То есть он сначала проснулся, а потом только понял, что он еще спит. Он спал прямо за рабочим столом. Он работал,

а потом от усталости рухнул. Он, как школьник, спал, сложив руки на столе, и уткнувшись в них головой. Он попытался и дальше заснуть, но вдруг окончательно проснулся, вспомнив омерзительный сон, который только что приснился ему. Этот сон был про то, как он трахнул холодную женщину. Она была и холодная, и мокрая. И не то, что она холодно реагировала на его ласки, она как раз активно реагировала, но она была мокрая, как мокрая тряпка на улице, которой нужно вытереться, потому что больше нечем. Она прилипла к телу, и от нее было холодно и мокро всему телу. И от холода Сережа проснулся. Он заглянул в комнату Кисы, и Киса притворилась, что спит. А Сережа притворился, что он не заметил, что она притворилась.

Он сварил себе кофе.

Кофе уже почти остыл.

Он выпил рюмку водки.

В общем, он устал. Немного. Просто смешно сказать — делать проект дома, который сочинила Киса. Детская игрушка — треугольник из квадратики. Он выпил еще одну рюмку. Где это она подсмотрела? Странно какое-то состояние: не хочется ни пить, ни есть. «... Таню». Оказывается, ему хотелось этого. И сначала именно с Таней. А потом он понял, что вообще он хочет, вообще с любой Таней, даже с чукчей-Таней. Даже чукчу-Танк он хочет.

На третьей рюмке водки зазвонил телефон. Это был Ку. Он попросил к телефону Кису. «Она спит», — сказал Сережа. И тут же из своей комнаты вышла Киса. «Тебя», — сказал он.

И когда Киса взяла трубку, говорил уже господин Ив. И на плохом английском они договорились, что машина, которая прилетит, будет в дверях, и он внутри будет держать ее всегда.

Сережа подумал: Хорошо.

Хорошо, что Киса его сестра.

Хорошо, что она не его жена.

Хорошо, что у него нет жены. Хорошо, что у него есть сестра.

Хорошо, что у сестры есть муж.

Не хорошо.

Не хорошо, что она изменяет мужу.

Хорошо, что ее муж об этом не знает.

— Хорошо, — сказала Киса Сереже, — я уеду ненадолго, а потом вернусь. Хорошо?

И Сережа сказал: «Хорошо».

Пожалуй, что это и есть ловушка, эта жизнь. Поймали. Ведь с самого начала непонятно, откуда ты, и что это значит, что ты родился? Вообще из ничего сделан человек. Из какой-то жидкости, спермы, похожей на сопли. Из каких-то там витаминов. А что такое растешь?

Превращаешься из ничего — в нечто, из витаминов — в человека. Глаза растут, уши, но вообще-то растут действия: плохо ходил, стал ходить хорошо; плохо видел, стал хорошо видеть. И слышать стал лучше. А вот если бы человека не учили с детства, может, он был бы умнее. Может, человек глупее себя самого, потому что способен обучаться тому, чему учат его те, которые не знают, как. И чему. Может, на самом деле он умный. Красивый. Богатый. Молодой.

Сам по себе. А среди людей он обычный. Ему плохо со здоровьем. Ему нужны очки, чтобы смотреть кино.

Но если не из спермы, из которой трудно поверить, что сделан человек, то может, он сделан из слов. Даже из букв. Которые сделаны из ничего, в них даже нет витаминов, в буквах, в них нет бумаги, денег, и они не горят, не тонут, они физически не могут погибнуть, они были даже раньше человека, а потом, когда его такого маленького, похожего на букву «а», или есть человечки, похожие даже на «г», даже на «ж», да на разные буквы похожи люди. Вот когда этих человечков не будет, то буквы останутся. Они останутся без людей. Как чистая абстракция без члена. Как член без спермы.

Картина Юрия Косоговского

И не хочется верить ни в одну правдивую историю, в которой нет преувеличений, и ни в одну, в которой будет что-то преуменьшено. Потому что каждая история начинается лжи. То есть с правды, которая потом оказывается отчасти ложью. Это и есть то, что можно назвать историей.

История четвертая («Жених»)

Сначала он пришел к Кисе со своей невестой, этот жених — почитать стихи, это еще до того, как его посадили в тюрьму. И в тюрьме он не стал педерастом, потому что

у него была невеста, и не стал пассивным, потому что его пожалели, может, из-за стихов. Это чтобы его не забрали в армию, он сидел в тюрьме, в которой уже сидел без зубов после психушки. И психушка у него съела желудок. И в тюрьме он был чистым, почти без всего: без желудка, зубов, волос.

Его сразу выпустили, как только потеплело, и все стало таять после Лени, хотя после него были еще дяди. А после дядей был уже дядя Миша. И как только пришел дядя Миша, он его сразу заметил, он обнял его как сына и сказал: «иди, сынок, домой!» Он из тюрьмы не то что вышел, выбежал, вылетел, его просто из тюрьмы — спасибо!

Получалось, что они были знакомы с Кисой уже несколько лет — несколько дней до тюрьмы, потом несколько лет не виделись и всего несколько дней после тюрьмы. И он был младше Кисы лет на пять. Но так как у него не было двух зубов, и кожа какая-то серая, какая-то больничная, непроглаженно-изношенная, как казенное белье, и он стал лысеть, даже была плешь на голове, и он казался старше Кисы. И они встретились в метро. И они читали друг другу стихи. И тюремные стихи у него были про любовь. Стихи Кисе сразу не понравились. Может, там были отдельные хорошие строчки, но они были наивные, жалкие, а потом когда он прочел третье стихотворение, то сразу стало видно, что это хорошо, что он пишет стихи. Потому что он сам по себе лучше своих стихов. Он и тоныше и умнее их. А стихи толще и глупее его.

И сначала договорились так, что как только они с Кисой встретятся, то сразу заедут за его невестой, а потом вместе сразу поедут в гости. А Александр Сергеевич уже сам приедет в эти гости. Но сразу к невесте они не поехали. А почему-то вышли из метро Пушкинская и зашли в армянский бар рядом с магазином Армения. Бар еще был не достроен, и ноги нужно было вытирать о леса. И в этом армянском баре в лесах почему-то продавали грузинский коньяк. Хорошо, конечно, но это было особенно смешно: пить грузинский коньяк в армянском баре. А потом после бара они поехали за его невестой, и не на такси, которые плохо ходили, то есть почти вообще не ходили. То есть счетчик, таксист, зеленый огонек остались только в стихах. И чтобы не опоздать, они поймай скорую помощь. И она была хорошая и добрая. И она взяла намного меньше денег. И хорошо, что в этой скорой помощи они ехали не как больные, а как вполне здоровые, развеселые, хорошо еще, что они ехали не как трупы. «Никого». Оказалось, что невеста не дождалась и ушла.

— Может, обиделась? — сказала Киса.

Странно даже назвать это постелью. Постели вообще не было. Они целовались в маленьком коридорчике между ванной и туалетом. Он даже не успел в нее вставить, он кончил прямо в воздухе, в безвоздушном пространстве, между ванной и туалетом. И кое-что было мокрым и грязным. И кое-кому было не весело. А потом закапала вода в ванной из прохудившегося крана. Оказывается, она все время капала. Но этот капающий звук прорезался только сейчас. Почему-то Киса не захотела ехать в гости. А захотела домой. И чтобы дома был Александр Сергеевич. И чтобы он ни о чем не узнал. И чтобы как будто она ему и не изменила. Даже между ванной и туалетом.

— Я тебя провожу, — так он сказал, этот жених,

И они поехали. И они ехали не на такси, и не на скорой помощи, а на метро. Просто обычно ехали и обычно болтали. Обычный молодой человек. Обычный жених. Обычные стихи,

И у своего дома Киса стала прощаться с этим женихом. И он сказал:

— Ты обещала дать свои последние стихи.

Она их не взяла с собой. Забыла. Они поднялись к ней домой. Почти верхом. Потому что по лестнице. Без лифта. Почему-то отключили свет. И значит лифт. И без света на лестнице началась любовь без лифта. Она началась бегом, эта любовь. И продолжалась пешком. Потом стоя. Потом оказалось, что Александр Сергеевич тоже уехал в те же самые гости, и любовь продолжалась лежа. Лежа на животе. Лежа, на спине. Лежа, подложив под голову «что это такое, в темноте не видно», сапог на потолке. Они занимались этим два раза. Они вместе начали и кончили. И потом опять начали. И уже не могли кончить. А уже было пора. Уже было пора кончить. И пора ехать. И вообще уже было пора — пора.

Свет включили, как только начался салют. Оказывается, был какой-то праздник. Может, новая конституция. Киса выключила свет. Но салют отключить было не под силу. Он громыхал в ушах, его никто не заказывал, он мешал кончить, этот салют, со своими рвотно-леденечными огоньками, со своей фосфоресцирующей спермой, размазанной по небу.

— Поехали, — сказала Киса, — хватит.

И они поехали.

В гостях он нашел свою невесту. А Киса нашла Александра Сергеевича.

Александр Сергеевич даже не обратил внимания на жениха. Как будто это было пустое место. Пустой звук. Как пустая улица, по которой Киса с Александром Сергеевичем возвращались домой, и Киса спросила: «в честь чего был салют?» Пустой день.

Александр Лысенко

Вена, Австрия

Каменный гость

Липкий ужас из детских снов:
По лестнице тяжкий скрип шагов
И нечто, угольной ямы черней,
С той стороны дверей.

Злыдни бредут ко мне на ночлег...
Кто он, песочный человек?
Его злость прошивает дверь насквозь,
Это Каменный гость!

Он вышел из в память запавшей строки,
Уйди, я не подам тебе руки!
В ответ застонала двери сосна —
И я убегаю из сна...

Взрослеешь, и с веком взрослеет мажор,
Былые пугалки — кентавр, минотавр,
Глядятся Царевны-лебедь добрей
В эпоху концлагерей.

А ныне любой заурядный теракт
Покруче, чем с преисподней контакт —
От каменной глюки и принца мышей,
До буки у малышей.

Наверно, за всем этим древний страх,
Что жизнь может враз обратиться в прах,
И в этом контексте Командор —
Просто каменный метеор.

23.10.2011

Слух Анри Миллер. (Париж)

Анна Хрома. Командор (Прага)

Фрагмент скульптурной композиции М.Шевякина «Дети – жертвы пороков взрослых». Москва, Болотная набережная. Фотография Елены Кацубы специально для ПО.

Сергей Стойко

с. Крымская Роза, Украина

* * *

Мальчик-упрямость и девочка-запятая.
Как будто какую-то пряность, привезенную из Китая,
рассыпали по мыслям и забыли убрать.
Девочка-индикатор, мальчик-мне-пора-спать.
Каждую ночь улицы ждут его в гости,
Каждое утро хриплый голос и круги под глазами.
Мальчика со счетов сбросьте, девочку угадайте сами.
Новое продолжение незнакомой повести,
Фразы шепотом, мысли вслух.
Мальчик: «не лишай меня остатков совести».
девочка: «ты мне всего лишь друг».
Девочка с виктимными верлибрами,
Мальчик, не нужный даже сам себе.
Это кино с бесконечными титрами.
Почувствуй себя не в своей судьбе.
Никогда не думай, что ты умнее,
Чем жизнь, всем делающая подвох.
Мальчик-веревка на тонкой шее,
Девочка-выдох-секунда-вдох.
Та, кого ты всегда прощаешь,
Никогда тебя не простит.
Мальчик: «больше не споткнусь, обещаю!»
Девочка – толкает. И он летит.
Девочка, что не умеет верить,
Мальчик, разобранный по запчастям.
Иду в никуда. Открывайте двери.
Мечты? Валите ко всем чертям.

Полина Ерофеева

Санкт-Петербург

* * *

Рожай слова, вытаскивай обиды,
Бей по спине, безумствуя в ночи.
Но только не молчи.

* * *

Мы поместили крестиком место,
Где наши тени встречаются.
Над башней /водонапорной/
шмыгают самолеты.
Летают. Не кончаются.
Три белых козы щиплют стог сена.
Из-под забора смотрит собака
И улыбается, как Петрова Лена.
В детстве любила я
рисовать красные грузовики,
А Лена Петрова – оранжевые буйки.
Она за них заплывала,
а я на месте плясала.

* * *

Мальчик в толстовке
с губами Цоя под капюшоном
и Дэйв в рубашке с коротким рукавом,
решили сбежать на другой конец света
и любить шестьдесят восьмой год,
будто он женщина Виолетта.

Александр Моцар

ДООС – лавразавр
Киев, Украина

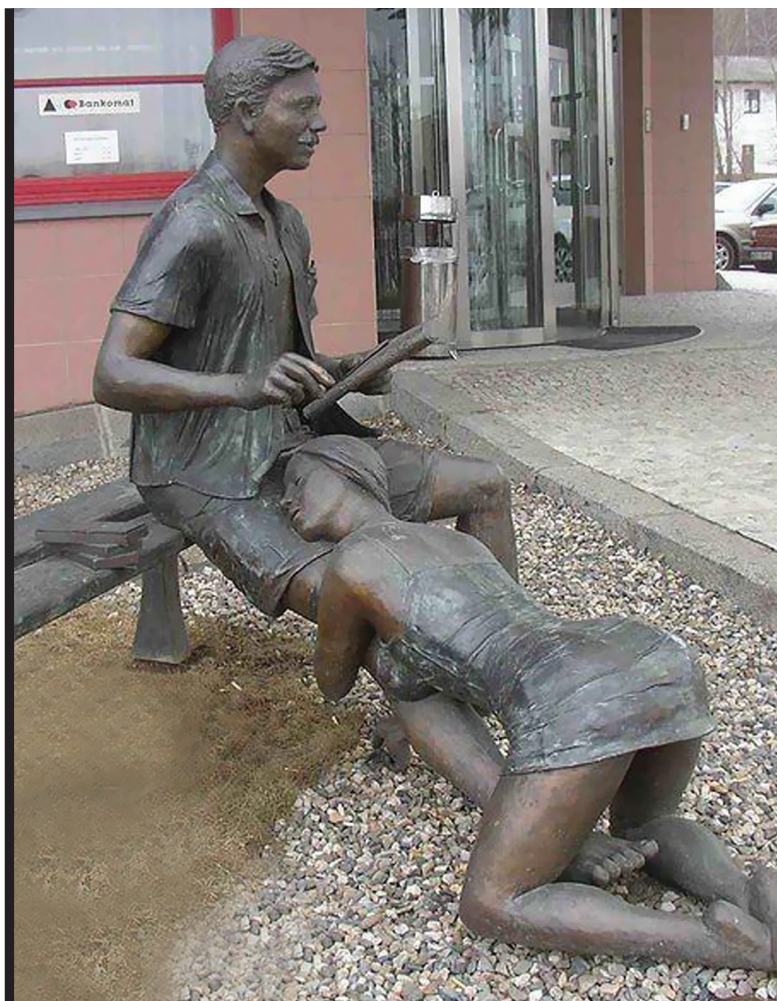
Тень от памятника Гоголю – памятник Хармсу.
Так утверждают те, у кого открыт третий глаз.
Так говорил Заратустра по кличке Поприщин.
И еще несколько сот человек, у кого до пупа бородачи.

В общем, это не тайна, об этом многие знают.
Они подходят к памятнику Гоголя и, цветы возлагают
Даниилу Хармсу, а прохожие думают Николаю Гоголю.
А потом возложившие влипают в очередную историю.

В одну из тех, что когда-то придумал Хармс Даниил.
Автор этих строк не одну из них в жизнь воплотил.

Кирилл Миллер Памятник Даниилу Хармсу в Санкт-Петербурге

Леа Виво (Канада) «Лавочка порока» в Праге. Этот порок – страсть к игре. Парень сверяет лотерейный билет с еженедельником лотереи «Сказка», а рядом на скамейке три пачки денег. От этого процесса его не может отвлечь даже почти обнаженная девушка.

Анатолий Гринвальд

Лейпциг, Германия

* * *

Такой случился здесь июнь,
Что в сердце до сих пор прострел...
И в ночь любую девять лун
Светило на мою постель.

Такой случился здесь июнь
(Ладонь запомнила овал
Лица)... влюблённый в нуль
Зубами нижнее срывал.

Такой случился здесь июнь
(Наматывал на пальцы косу
Последней юностью так юн),
И каждый день был високосным.

Такой случился здесь июнь
(Эдемский сад, Адам и Ева), –
Я в нём – нет, нет, я не тонул, –
Я каждой ночью падал в небо.

Такой случился здесь июнь
(Вечерний парк, обрывки вальса),
И твой прощальный поцелуй,
Как солнце в голове взорвался.

Ольга Ильницкая
ДООС — слонозавр

У Пушкинской той переправы

Психолог сказала — когда сможете написать, что чувствовали на Пушкинской площади, будете знать, что шок пережили. Привяжите память к циферблату — у вас ведь были часы над головой, будет легче выписать. Пробуйте, пока не получится.

Пробовала с августа по декабрь. Ни строчки. И вот — написала.

8 августа — 28 декабря 2000 года.

Москва — это белая пластмассовая высотка МГУ у бабушки на комод, в далёком донбасском городке Дебальцево. Это запах маминой косы и пухового платка — духи «Красная Москва»...

Моя Москва началась в далёком детстве, за тысячи километров, на земле Украины. И она прекрасно пахла мамой.

Сегодня Москва окружила меня снежной заверюхой — началась новая полоса жизни, моё новое время, отсчёт пошел с 8 августа, я его теперь отмечаю как второй день рождения.

И это время не украинское, пахнущее «Красной Москвой», это московское время, пахнущее тротилом. Я начинаю его с воспоминания:

Живу в Одессе, иду по Пушкинской, раскланиваюсь с Александром Сергеевичем, он с новой тросточкой и в бронзовом цилиндре. Случайная встреча в октябре, поэт прогуливается возле своего музея, где раньше была гостиница, и он, в XIX веке, в ней останавливался. Мы разговорились, и я рассказала, как он скорбно склонил голову в далёкой Москве XX века, когда меня швырнуло взрывной волной вдоль подземного перехода. И как я потом сидела в луже крови девушки Светланы, 1968 года рождения. Как мне было страшно. Нечеловечески. Человечески страшно мне было на войне в Приднестровье, где я была репортёром и знала, что могут убить.

Памятник Пушкину в Одессе. Скульптор Ж.Полонская

Здесь, в Москве, в конце XX века, о смерти не думала. Я думала о свидании с поэтами Борисом Викторовым, Еленой Кацубой и Константином Кедровым. Встретиться мы должны были в 18.00.

В 18.00 меня не убило в подземном переходе под Пушкинской площадью. А тринадцать человек — убило.

«У пушкинской той переправы
Поэт нам ничем не помог.
А с неба смотрел устало
Неподвижный от ужаса Бог».

Так я подумала, когда смотрела потом на Пушкина. — Вы, Александр Сергеевич, теперь не просто памятник любимому всеми поэту. Вы теперь — надгробный памятник. И вам скорбеть... вечно.

Я шла к Вам на свидание, к Вам и поэтам Борису, Елене и Константину, и вот когда я из перехода, почти в центре «трубы» иду, чтобы выйти к Вам из-под земли, меня хлопает по ушам, и дымом пахнет так, как на войне в Бендерах. Дым сначала сизый, потом густой грозовой.

Как все, нас там было — толпа! — я замерла, потом мы побежали. Молча. И — выбежали на поверхность Земли. Из ада. Возле здания «Известий» я — опять я, а не часть толпы, бегущей в ужасе. И мне в этот момент не страшно, а стыдно.

Страшно стало сразу, как только обнаружила, что все стоят, а я опять бегу. Возвращаюсь. Туда, где нет мёртвого молчания живых, где живые крики, стоны и — молчание убитых.

И я уже понимаю, что это за дым. Мне теперь всегда возвращаться на свою войну.

Эти мысли отошли, когда добежала. Здесь была работа жизни рядом со смертью. И не было мыслей, только — картинки: несут обугленного ... кого-то. Ступня дёргается, ступня... ещё живёт. Кладут на асфальт. Уже — не человек. Тело.

Мысль проплывает, как короткое замыкание, со вздрогом: «Не стерильно!».

Залитое кровью лицо девочки-подростка, её крик: «Где мой глаз?!»

Мужчина в носках, туфлях и... трусах. Мычит. У него из спины, захватив пальцами и раскачивая, вытаскиваю железяку. Кровь хлынула сразу, руки в крови, зажимаю рану ладонью.

В лужу крови на асфальте кладут девушку — это из неё уже столько налилось! Подхватываю девушку под спину, холодную, как стальной сейф. Надо что-то делать. Кричу ей: «Как тебя зовут?». А она глаза закатывает. Нажимаю под корень носа, нос тоже у неё, как сейф, холоден. Давлю на подбородке точку реанимационную. А лицо её синее...

Мне помогает женщина. У неё мобильник. Уже знает, что у окровавленной Светы есть где-то Серёжа, которому надо дозвониться. Света успела сказать номер. Звоним.

Перед глазами — большой квадрат часов на столбе: 6.09. Света пришла в себя, кричит: «А-а-а-а...» непрерывно.

Чей-то голос: «У меня морфий, у кого — шприц?»

6.12. Случайный морфий вкалываем случайным шприцем. Слава богу, наркоман оказался рядом... «Скорых» пока нет. Но уже есть машины МЧС. Люди в комбинезонах у меня за спиной укладывают, сбоку от меня укладывают — обугленных, ещё живых... Их, лежащих ранами на пыльной Пушкинской площади, никто не держит за руку, слов им никаких не говорит.

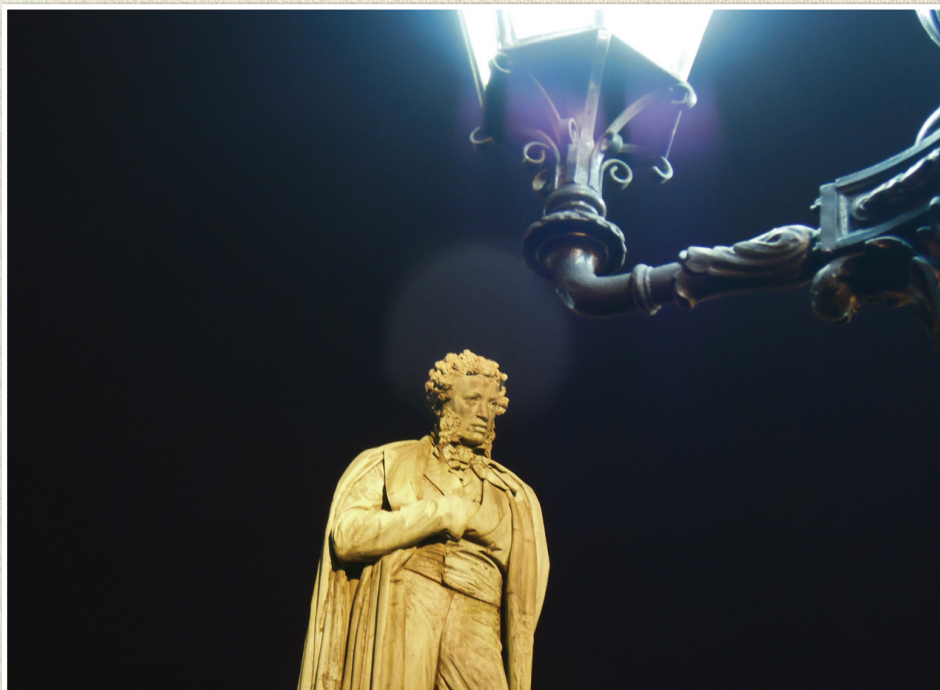
Они... сами, одни среди толпы, окружающей нас кольцом — но не двигающейся, отодвигаемой криками в мегафоны, — лежат.

Умирают. А у меня в голове слова стучат, как дятел долбит: «инфекция — антисептик, инфекция — антисептик»... подойти не могу ни к кому. Света лежит на моих руках, я на коленях стою в её крови, брюки намокают, отчего так сильно льётся кровь?

Это артерия перебита. Пытаюсь носовым платком перетянуть — и не получается. А ремень от сумки оторвать — не догадалась!

6.17 — «Жгут!» — кричу. — «Нужен жгут!» Уже появились врачи. — Проклятье! Почему они к Свете не подошли? Не подходят! Страшно.

Спасатель из МЧС наклоняется, на корточки присел, сказал: «Есть более тяжёлые, продержитесь!» Держусь за Светину жизнь. 6.34

Фотография Андрея Вратия специально для ПО

Жду. Плакать не получается. Нажимаю на автопилоте под корень носа то Свете, то себе, потому что голова плывёт... шишка на затылке — когда швырнуло на землю там, под землёй — ударились...

6.38 — Свете поставили капельницу. Держу руку, вена слабенькая, ушла в глубину руки — от испуга... от боли?

...Вокруг иглы и дальше, к пальчикам — бахрома обожженной кожи.

Часы на столбе отстукивают Светину жизнь. Света без сознания.

6.43. Держу руку Светы — игла, прозрачная трубка капельницы, капли физраствора. ...Лоскут кожи, сползший с ноги, как чулок. И с другой ноги тоже... возле щиколотки артерия перебита. Крови много, загустевшей, как вишнёвый кисель.

— «Блин», — говорит медик, халат у него в крови, в саже, — «Блин, артерия! Жгу-уут, — кричит он, — неси жгут скорее!»

6.48, 6.52 — Свету уносят, я пробую подняться и — не получается. Прихожу в себя в машине, меряют давление, спрашивают — отчего в крови, ищите, почему столько крови? Шок, уколы... — в больницу! Уговариваю — не надо в больницу, не моя кровь, мне надо выйти, не меня в больницу, меня — не надо! Мне — туда... выдираюсь, спускаюсь на землю со ступеньки и падаю...

7.20 — Журналист из «Таймс» сидит рядом, прикуривает для меня сигарету, спрашивает: «Видела что, говори! Рассказывай! Думаешь, чеченский след?» — «Почему — чеченский, — сквозь зубы ему, — чей угодно! Бандитский!» И бестолково, скороговоркой — о том, что видела, что ощущала, как тогда, когда точно так же

говорила. Только в телефонную трубку, из бастующего почтамта Тирасполя на Одессу репортаж в новости «Вечёрки», в том же ритме, с тем же чувством потерянности, с той же единственной мыслью — «XX век, это го быть не может!»

Видела — часы со стрелкой, прыгающей заторможенно, видела лифчик нейлоновый, впаянный в девичью спину, показываю серёжку, вылетевшую из моего уха и найденную каким-то мужчиной, серёжка ему в щеку отскочила, и он кричал — Чья? — и она чудом вернулась ко мне...

Мужчина в трусах и ещё раздетые люди, с обгоревшими лицами. С ладонями, грязными и окровавленными, и запах кухонный, когда всё уже поздно, пригорело и... не поправить ничего...

А на всё это — толпа смотрящая, и никто не бежит, не помогает — обмерла толпа от орущих мегафонов в руках молодых и сильных людей в белых рубашках, чёрных костюмах.

7.45 — Со мной разговаривает журналист радио — Фёдор. Мне очень нужно, чтобы со мной сейчас — разговаривали.

Фёдор говорит — кому позвонить? Давайте я по радио сообщу, кто-то есть близкий? ...Позвать Глеба? Он услышит, придет за вами. — Да, позовите. Нет, не пугайте! Вы меня отведите в редакцию, в «Известия», туда можно. Там Олег Владимирович, Сусанка Альперина...

Фёдор меня с рук на руки передаёт известинцам — они в работе, они в экране телевизора, они расспрашивают, и Олег Владимирович Цыганов чаем отпаивает меня...

Вижу себя на экране, в луже Светочкиной крови, и её криком разодранный рот — опять вижу.

Олег Владимирович сигарету за сигаретой курит, а у меня отбирает, заменяя очередным стаканом чая с лимоном. Меня безостановочно, даже не знобит, трясёт сильной дрожью. Дали коньяк.

В 11.30 Сусанка и Саша Милкус везут меня домой, на Шаболовку. Я всё время говорю, и это, как и дрожь, — не проходит долго.

Дома телефон разрывается: «Ты жива? Ты как? Мы тут, с Кедровым, тебя везде ищем. Приехать к тебе?» — Голос Бориса Викторова.

— Я жива. Я сплю.

И я действительно — сплю.

Утром, около восьми, звонок ... Голос Глеба — почти не узнаваемый: «У меня на столе газеты, уже шестая — и везде на фотографиях — ты. Что? Что с тобой? Цела? Почему ты — ТАМ?»

Почему я — там ... ТАМ — почему — ТАК?

Мне привезли газеты ...

Три дня сижу на полу, смотрю на лицо своё и не плачу — я не могу до сих пор забыть, какие у меня глаза. Я не знала, что глаза мои могут ТАК смотреть... Что так могут смотреть глаза человека. Они похожи на Светин кричащий рот. Подпись под фото: «Чем ещё отзовутся эти ужас и шок?»

И полгода в окне ТАСС висит огромная эта фотография — лужа крови, Света, лежащая на асфальте, я на коленях, — «Экстремальное фото ТАСС — 2000 год. Золотая медаль Виктора Борисова...»

Полгода хожу смотреть на «золотое фото». Как магнитом притягивает.

Моя сестра, увидев, съехала в обмороке на асфальт. Мне потом подарили эту огромную фотографию — на память. И я мучилась ею ... всем показывала — не могла успокоиться. Пока Глеб её не унёс из дому.

Началась эта история с того, что договорилась с Борисом Викторовым встретиться у Пушкина, пойти к Елене и Константину, потом — взрыв... Света... запах мяса и крови... а закончилась история фотографией Виктора Борисова... такая жизненная рифма.

Я надеюсь, что со Светой теперь всё в порядке.

И — со мной тоже.

Но в подземных переходах я ... всё ещё себя торможу, чтобы — не бежать. И не люблю приходить к памятнику Пушкина. Ни в Москве, ни в Одессе. Нигде.

8 августа — 28 декабря 2000 г. — 20 октября 2003 г.

Фотография Андрея Вранья специально для ПО

Валентин Никитин

ДООС – теозавр

* * *

Душа в ночи затосковала
О горнем, о лазури дня,
О той прозрачности кристалла,
Где бесконечна глубина;

У голубого океана
Там риза неба златоткана...

Огни Плеяд – пунктирной нитью!..
И духи музыки на зов
Октавы верхней, по наитью,
Бегут от бесов, от басов;

Восходят в горние укрытья
Для ангельского челобия.

Жду весть, ниспосланную свыше,
Но слух мой грешный бестолков:
Я пенья ангелов не слышу
И боя башенных часов, –

Лишь метронома стук! – сквозь крышу,
Как лом, он рушит черепицу...

Дыханье реже, пульс всё резче,
И отзвук эха вдруг затих;
Иль я лишился дара речи?
Завеса – с глаз! – моих, ничьих...

Но непривычно остроплечи
Едва мерцающие свечи...

В их свете, еле уловимом,
Я вижу облачную гроздь,
И дерево, что херувимом
В эдемских кущах стереглось

(Рай был тогда богохранимым,
А стражник звался Уриилом).

Из облака – к земле десница,
И тянет меч за рукоять
Молниевидную! – и мнится:
Ему не противостоять!

Не отвести, не заслониться!
Но явь иль греза? – где граница?!

Ведь облако полупрозрачно –
Нерукотворное окно –
В предвечном свете кровью Агнца,
Но без меча, обагрено...

И хоть душа на грани транс,
Но незачем, ей-ей, пугаться.

Ведь раю не нужна охрана,
Коль он душою обретён;
Пусть ляжет меч в притворе храма,
В пыль брошен, а не обронён!

И грянет, грянет вдруг осанна
В протуберанцах фимиама!..

Чтоб горизонт дориносимый
Вдруг вспыхнул радугой в заре,
Ознаменован Божьей силой
И возношеньем в алтаре! –

Знак Купины Неопалимой
Над светлой мира половиной.

Тогда, как дискос, в небе солнце
Увижу я, и как копьё;
Мое движенье с ним сольётся,
И не пронзит меня оно!

И будет небо венценосно
С крестом в короне крестоносца.

октябрь 2011 г

Скульптор Аниш Капур «Высокое дерево и глаз»

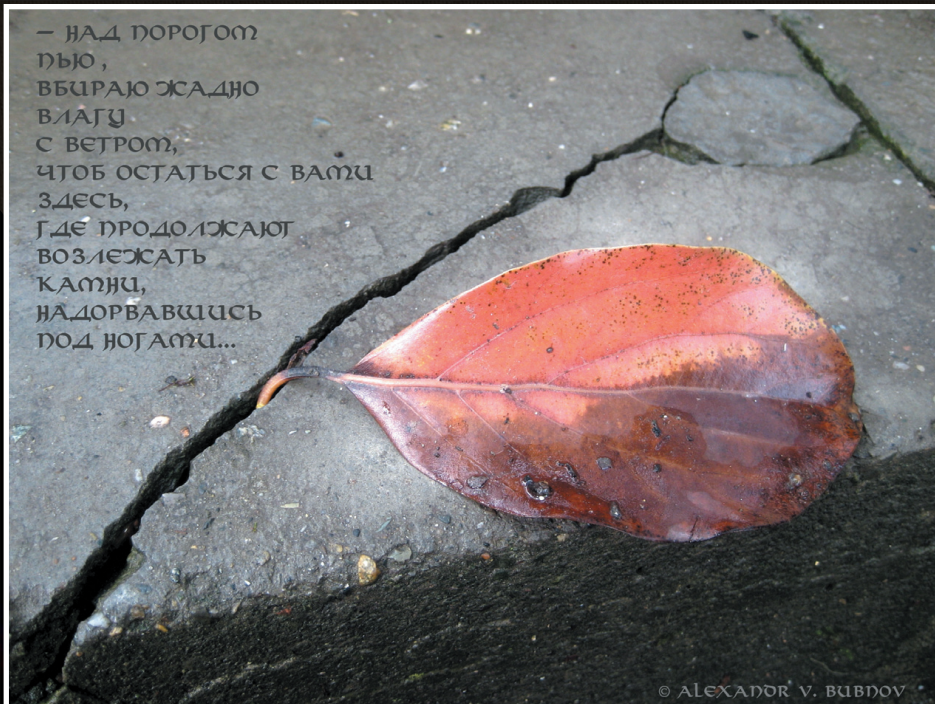
Александр Бубнов

доктор филологических наук
ДООС – палиндрозавр
Курск

Монолог Листа на Камне

— Над порогом пью, вбираю жадно влагу с ветром, чтоб остаться с вами здесь, где продолжают возлежать камни, надорвавшись под ногами

— НАД ПОРОГОМ
ПЬЮ,
ВБИРАЮ ЖАДНО
ВЛАГУ
С ВЕТРОМ,
ЧТОБ ОСТАТЬСЯ С ВАМИ
ЗДЕСЬ,
ГДЕ ПРОДОЛЖАЮТ
ВОЗЛЕЖАТЬ
КАМНИ,
НАДОРВАВШИСЬ
ПОД НОГАМИ...

© ALEXANDR V. BUBNOV

Елена Грызунова

Шёлк

Я шёлком скользящим
Плыву в настоящем,
Я чувствую боль от укулов иголки,
И Длань вышивает узоры по шёлку.

Пленники

Мы пленники, навек заключены,
Здесь тесно так, что цепи не нужны,
Пошевелинуться даже невозможно,
Дышать должны мы тоже осторожно.

Я помню, что мы здесь уже давно,
Здесь вечен мрак и беспроглядна ночь,
И воздуха всё меньше остаётся,
И тишина (лишь только сердце бьётся),

Ведь мы с тобой почти не говорим.
А что нам обсуждать? Вот мы молчим
Всё время, не считая наших стычек,
Ведь мы сидим в коробке из-под спичек.

Памятник кубику Рубика
в Будапеште

Углы

Столы, кабинеты, коридоры –
Все имеют прямоугольную форму.
На прямоугольнике монитора
Кедров в кубе.
Кааба тоже имеет форму куба.
И всё это норовит вонзиться своими углами.
Они прямые, но всё равно острые.

Твоё сердце не имеет углов –
Оно вообще неправильной геометрической формы.
Когда тебя загоняют в угол,
Можно прятаться по углам,
А можно лежать на вогнутом склоне холма
И глядеть на небо:
Как же оно построено без единого угла?

«АМУРтизация»

Антиох Кантеимр

Из Анакреонта

О ЛЮБВИ

1. Некогда в часы полночны,
Когда медведь уж вертеться
Начал под рукой Воота,
Человеков же вси роды
5. Спят, утомлены трудами,
Любовь, пришед к моим дверям,
Громко стал у них стучаться.
«Кто стучит там, – закричал я, –
И сну моему мешает?» –
10. «Отвори, – Любовь сказал мне,
Младенец я есмь, не бойся.
Весь обмок в безлунной ночи,
С пути, бедный, заблудился».
Сжалился я, то услышав,
15. И, свечу тотчас зажегши,
Отворил; и вижу, правда,
Крылата младенца с луком
И с тулом стрел за плечами.
Посадив к огню, я начал
20. В ладонях греть его руки
И с волос отирать воду.
Он, как скоро лишь нагрелся,
«Дай отведать, – говорил мне, –
Не вредила ли водою
25. Тетива моего лука».
Натянув же, он язвил мя,
Как оса, прямо средь сердца,
Потом, захохотав сильно,
Вскакал: «Не тужи, хозяин, –
Сказав, – лук мой есть невреден,
Да ты будешь болеть сердцем».

Ст. 2-3. Когда медведь уж вертеться начал под рукой Воота. «Медведем астрономы называют constellation (т. е. собрание нескольких звезд), близку к северному полюсу, из семи главнейших звезд составленну и у нас Лосем называемую, которой следует другая constellation, у греков Воот или Арктофилос, т. е. Медведостраж именуема».

Ст. 7. Стал стучаться. «Любовь есть имя женского полу, потому надлежало бы говорить стала стучаться, да здесь любовь значит купидона, бога любви, и потому мужеска полу».

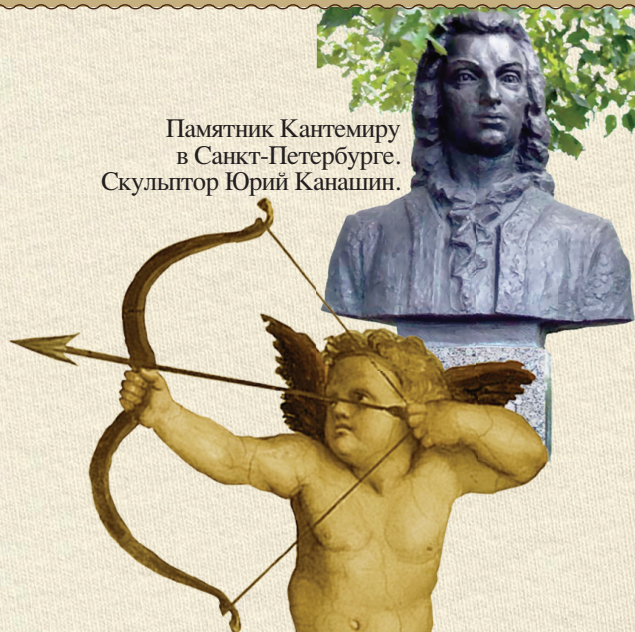

Ян Пробштейн
Нью-Йорк, США

Первая сатира Антиоха

Домик на пригорке, а над речкой ивы
В домике сгорели все мои архивы,
Я иду долиной, я иду горами
С плешью на затылке, счастьем за морями.
Дышится свободно, в общем-то неплохо,
Но нет-нет да вспомню мудрость Антиоха,
То бишь Кантемира Первую Сатиру:
Девять сестр босых, по слову Кантемира,
Самый неприятный в мире путь проклали,
Многи на нём силу, пишет, потеряли:
Всяк тебя чуждается, гнушается, смеётся,
Над тобой несчастным, кто над столом гнётся,
Тот уж не добьётся ни палат, ни саду,
Овцу не добавит он к отцовскому стаду,
Добрый нрав теряет, позабыв пить квасу,
Палкой не прибьёшь того к солёному мясу,
Свечек не кладёт он, постных дней не знает,
Ни Шабат, ни Песах он не соблюдает.
Мы живали прежде, не зная латыни,
Гораздо обильнее, чем мы живем ныне,
Гораздо в невежестве больше хлеба жали,
Переняв чужой язык, свой хлеб потеряли,
Ни покоя у того в жизни нет, ни света,
Кого не оттащить силком от интернета.
С ума сошёл, кто души силу и пределы
Испытáет, кто в поту томится дни целы,
Чтоб строй мира и вещей вывести премену
Иль причину, глупо он лепит горох в стену
Или бой ведёт он с собственной тенью,
Аки тетерев, глух он к людскому мненью.
Коли занимаешься делом ты проклятым,
Повторю, как Антиох в семьсот двадцать девятом:
«Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, в себе рассуждая,
Пользу наук, не ищи, изъясняя тую,
Вместо похвал, что ты ждёшь, достать худу злую».

Памятник Кантемиру
в Санкт-Петербурге.
Скульптор Юрий Канашин.

Алла Рахманина

Аллея классиков

Не знаю, кто первый так сказал. Улица-то всего из шести домов. И называется — официально так, по крайней мере, написано на указателе — Павленко. Советский писатель, который вполне благополучно пережил на ней и тридцатые, и сороковые-роковые, и сталинские, и немного хрущевские. По преданиям, напрашивался на обеды к классикам, а в те годы просто известным писателям, и затем отправлял, куда надо, вполне пристойные, не особо обижающие хозяев дач, донесения. И даже приукрашивал слегка действительность. А ведь редкие очевидцы, случайно или не совсем случайно оставшиеся в живых, вспоминают «черный воронок». Частенько, особенно по ночам, катил он по писательскому поселку.

Рассказывают, как бежала за зловещей машиной Лидия Сейфулина, известная в те годы своими пламенными повестями. В ночной рубаше, рыдая, ее плач раздавался в окнах именитых дачников: Ивановых, Афиногеновых, Пастернаков, Фединых. Ведь увозили ее любимого мужа, журналиста Правдухина. И увезли навсегда. Как и других обитателей Переделкина — уникальных писателей — Бабеля, Пильняка, Зазубрина, Артема Веселого, Бруно Есенского. «За что берут людей?» Это не мог понять даже Борис Пастернак. А ведь о его прозорливости ходили легенды. В этой дикой абсурдности, в которую превращалась дачная жизнь, талантливым, особенным, невозможно было понять, принять такую Россию.

Уже сейчас, по прошествии почти двух десятков лет, не понимаю — как могла не остановить, не задержать, не поговорить, или просто не спросить какую-либо малость, ерунду — ведь мимо, мимо, каждый день проходили сплошь знаменитые, странные и, даже страшно подумать, просто гении. Правда, есть маленькое оправдание. Мне — девятнадцать. Я влюблена в своего Бориса Леонидовича*. А через дом, из дачи номер три, выходил когда-то живехонький Борис Леонидович Пастернак. Не выходил — пробегал, пролетал нашу часть «Павленки» в развивающемся прорезиненном синем плаще.

Через родник, через змеей выющуюся Сетуньку, вприпрыжку к деревянному палисаднику, который он снял для своей музыки Ольги Ивинской. С большой долей недоброжелательства вспоминала о ней и моя любимая соседка Тамара Владимировна Иванова. Иначе как

* Борис Леонидович Рахманин (1933-2000) — русский прозаик и поэт.

Начало улицы Павленко

стукачкой не называла, и это за нашими-то чудесными «высокими» чаепитиями, где часами читался наизусть Блок, где как бы присутствовали Всеволод Иванов, Константин Федин, Александр Фадеев и незабвенная Лиля Брик. Всегда в руках Тамары Владимировны синий томик стихов Бориса Леонидовича с лежащей поверх позолоченной лупой.

— Ах, Алла, если бы мне было восемьдесят четыре! — я бы горы сдвинула, — говаривала она в свои девяносто шесть. А вообще-то, никакие не девяносто шесть. Всегда маникюры, педикюры, и как бы случайно слетевшая с плеча бретелька от сарафана. Тело не стареет, думала я, всякий раз глядя на это мраморное плечо. У некоторых. Особой породы женщин.

Дом-музей Пастернака, как я говорила, точь-в-точь наш. Кораблеvidный, с овальными балконами. Один архитектор, один год возведения. Люди, ошибаясь дачами, частенько наведывались к нам.

— Вы к Борису Леонидовичу? — проходите, — подшучивал над экскурсантами мой муж Борис Леонидович Рахманин, отворяя калитку. Коттеджи принадлежали Литфонду, наши ворота были всегда распахнуты, поскольку внешне дом — абсолютная копия пастернаковского, вот народ и валил к нам. Тем более, дорожка, ведущая к крыльцу, вся из разноцветных кленов, была такой божественной красоты! Как тут было не устоять и не пройти по ковру из красно-желто-зеленых листьев. Ведь когда-то эти кленки были привезены из самой Канады американской женой первого поселенца нашего дома — знаменитого когда-то Александра Афиногенова. Пастернак, в тяжелый тридцать седьмой, когда со дня на день Афиногенов ждал ареста и не мог

ни писать, ни существовать нормально, навещал его ежедневно. Утешал. Практически заставлял работать. Сохранилось кресло, столик и самовар, за которым они проводили свои нелегкие вечера. Ведь когда писатель поселялся на даче, она была уже обустроена и на ней стояла легкая плетеная мебель. В некоторых домах все это сохранилось в единичных экземплярах. Уже как реликвии. Американка изводила Афиногенова диетическими диетами, и зачастую после скудной еды он нырял в потаенную калитку к Ивановым. «У вас случайно не осталось котлетки от обеда?» — интересовался он.

Однажды, прогуливаясь по нашей «Павленке», я встретила даму. Она буквально бросила в меня цепкий острый взгляд. Прокаштаненно-нашатенные, гладко-собранные в пучок волосы. Набеленное, все еще вполне красивое лицо. Чуть поодаль, опираясь на трость, плелся дяденька Катанян. Ее последний муж — специалист «в области главного человека ее жизни — великого Маяковского».

— Смотри, — это же сама Лиля Брик, — прошептала я, обращаясь к мужу.

— Это не Лиля Брик, это прекрасная, хорошо сохранившаяся мумия, — пробурчал он. С жалостью, как мне показалось.

Еще при жизни Лили Брик моя подруга, специалист по Серебряному веку, собралась взять у нее интервью. Перед поездкой в Переделкино, на дачу Ивановых, где в ту пору жила прекрасная Лиля, ее проинструктировали, как вести себя, какую картину похвалить, какую фотографию отметить, что правильно вспомнить. Она все это выполнила, и встреча прошла радостно для обеих. Интервью получилось живым и даже оригинальным. Бабушка-то умная всегда была. Недаром самые значительные мужи вились возле нее пожизненно.

Лиля Юрьевна жила в торцевой части дачи номер четыре. После смерти крупного писателя, до конца еще не понятого Всеволода Иванова, его вдова Тамара Владимировна, а прежде любовь самого Исаака Бабеля, пригласила Лилу Брик пожить у нее на даче. Она знала, скучно не будет. Ведь Лиля Брик, благодаря Маяковскому, была известна далеко за пределами России.

И правда, по прекрасной уютной аллеюшке, ведущей в дом, прогуливались сестра Лили Юрьевны — писательница Эльза Триоле, ее муж, знаменитый француз Луи Арагон. Представляете, по нашей-то «Павленке» вышаживали великий кутюрье Пьер Карден, Майя Плесецкая,

представители клана Мессереров. А аллея была гораздо длиннее всех наших, так как в войну дом сгорел, и та-лантливая неугомонная Тамара Владимировна собственноручно нарисовала план дома. Она отодвинула его на много метров от прежней постройки, точно скопировав пастернаковский коттедж. В связи с этим прогулки стали довольно протяженными и можно было не выходить за пределы калитки, так как здесь было чудно. Молодые березы, ею же посаженные, и восхитительный черемухо-сиреневый сад. Огромный, павловской эпохи стол застилался белоснежной скатертью, красивые люди, интересные тосты на русском, французском, английском.

Дружба двух великих вдов продолжалась не слишком долго. Совместные завтраки и обеды быстро закончились. Лилина часть дачи была теперь за стеной.

— Мы оказались из разных профсоюзов, — сказала мне однажды Тамара Владимировна. И больше к теме «прекрасной Лили» не возвращалась. А Лиля Юрьевна продолжала ежедневные пешие прогулки с мужем по аллее классиков мимо окон великого Пас-

Борис и Алла Рахманины.

тернака. Из этих самых окон звучал когда-то незабываемый голос:

*Пронесейся грозой полон воздух.
Все ожило, все дышит, как в раю.
Всем роспуском кистей лиловогроздых
Сирень вбирает свежести струю...*

Как бы ни называли наш проулок — аллеей классиков, аллеей Бориса Леонидовича, но до сего дня висит стрелка — «Музей Пастернака — улица Павленко».

В самой первой даче этой улицы жили так называемые писатели-деревенщики — Борис Можаев,

Владимир Солоухин. Хотя называть их так можно с большой натяжкой.

Застроено уже дикими огромными коттеджами любимое пастернаковское поле, которое он называл «Неясной поляной», закрыта дурным серым забором Сетунька, но почему-то по-прежнему течет родник. Родник, к которому до сих пор съезжаются отовсюду толпы людей. Родник, мимо которого проскакивал Борис Леонидович к Ольге Ивинской: «...Ты всей белизны своей сквозной волной со мной». Сколько раз встречала я неторопливо, с эмалированным китайским бидончиком шагающего к роднику Владимира Алексеевича Солоухина. Как было бы интересно теперь с ним поговорить, повспоминать.

— Здравствуйте, девушка, — поздоровался он однажды. — Христос воскрес!

От неожиданности, восторга и ужаса я воскликнула: «Спасибо!»

— Ой, ой, воистину воскрес! — закричала я вслед. Неторопливо и как-то фундаментально продолжал свой путь к роднику описатель земли русской и вологодской в частности.

Борису Можаяву достаточно было алюминиевого чайника, вероятно, любил свежую воду, а лишний раз пройти к роднику — прекрасное удовольствие. Ступеньки древние звенели и бренчали, из ржавого железа, на каждой до самой воды выбиты имена любимых барышень строителя: Галчонок, Маша, Вероника, Таня. Сейчас лесенка к роднику деревянная, а старые и фактически уже старинные ступеньки выбросили. А ведь по ним ступали и Пастернак, и Вознесенский, Федин и, вероятно, Анна Ахматова, которая приезжала к кому-то в гости на крайнюю шестую дачу, за которой и течет родник. Дача сгорела в войну, сейчас там кирпичный двухэтажный коттедж, построенный сплошь для литературных начальников. Прежних и теперешних.

Памятник Марине Цветаевой в Москве.
Скульптор Нина Матвеева

Ирина Лесная-Иванова

Марине Цветаевой

Любимой картиной Марины Цветаевой было полотно В. Сурикова «Боярыня Морозова».

Колени нищего с мороза розовы,
Ах, ветер свищет как! —
Везут Морозову.
Орут проклятия вослед саням.
Как на распятие везут меня.
Была боярыня, да стала пленница.
По коже след огня, но не изменница.
Кричит под пытками душа-раскольница.
А не раскается, а не расколется.
Пытайте, нехристи, казните первую.
Я буду крест нести, я крепко верую.

Верую в первый январский снег.
Верую в близких, которых нет.
Верую: наша любовь, как боль.
Верую: я навсегда с тобой.
Клятвы тихи, но, как сталь, уста.
Жизнь и стихи — это два перста!

Татьяна Зоммер

ДООС – Зоммерзавр

* * *

когда ты будешь считать
что я навсегда ушел
из твоей жизни
я буду прилетать
к тебе
на выходные
из далекой америки
как красногрудый робинс –
странствующий американский дрозд

ты узнаешь меня по пижонскому
красному галстуку
на гордой груди певца знаменитого
на две страны
разделенные кланами океанов
которые может соединить собой только крыло
странствующего американского дрозда
поэта
по-прежнему любящего тебя
post scriptum за семью печатями
океанов городов книг и людей

кормя залетных птиц с руки
близкими отношениями
время от времени
кидай и мне
крошек памяти
корми любовью-стихами и мой воскресший
перед тобой
оживший
перелетный образ

когда ты все-таки решишь
в своей памяти
что я благодарен
и начнешь кидать крошки
внимания другим
подольстившимся к тебе в это текущее
время года
пижонам-поэтам
посмотри на единственного
в своем роде красногрудого
американского робина
высоко сидящего пионера в красном галстуке
на памятнике
известного тебе поэта

видишь я пытаюсь ртом говорливой птицы
передать тебе
свой поэтический привет –
неимоверными усилиями
заставляя раздвигать
гранитные губы
общавшийся когда-то
запросто с нами
памятник
совместной
перекрестно-лётной поэзии

Эмили Дикинсон

(1830-1886)

Амхерст, Массачусетс, США

Opus 182

If I shouldn't be alive
When the Robins come,
Give the one in Red Cravat,
A Memorial crumb.

If I couldn't thank you,
Being fast asleep,
You will know I'm trying
With my Granite lip!

Опус 182

(«Гранитный поцелуй»)

Когда уйду из жизни я,
Как робинс* возвращусь,
Узнав по галстуку меня,
Кидайте крошки памяти.

Когда взгляну неблагодарно
Сквозь памятников сны,
То знайте, я вовсю пытаюсь
Взлететь с гранит-губы!**

*робинс – странствующий американский
дрозд с красным «галстуком» на груди

**гранит-губа – подразумевается
памятник из красного гранита

Перевод Татьяны Зоммер

Александр Жуков

Электросталь

* * *

Молчание – это золото,
А разговоры – ерунда!
Мы с тобой – Серп с Молотом,
Но, разные, как всегда.
Ты косишь взглядом,
Я рублю словом.
Когда мы вместе, рядом,
То крепче любого лома!
Ломовые о нас
Ходят сплетни и слухи.
Волновались. А сейчас
Стали тихи и глухи.
Ты переживаешь тихо,
Я ору, как всегда,
Громче одноглазого лиха,
Как иерихонская труба!
Молчание, говорят, золото,
А разговоры – ерунда.
Мы с тобой – Серп с Молотом,
Вместе, но разные...Эх, как всегда.

Барельеф «Рабочий» архитектора С. Меркулова на здании Петровского пассажа. Фотография Елены Кацубы

Станислав Минаков

Харьков, Украина

На крик гуся из-за оврага

Гусяра, кричи, гусяра, кричи,
Веселый, кричи, гусачок!
Покуда хозяин, мрачней к ночи,
Тебя не подъял на крючок.

Пока чернослив не всандалил в гузно
И в горло горох не встроимил...
Горит над округой гортанный озноб
Под шелест подрезанных крыл!

На птичьем, но все ж не на рыбьем меху
Твоя полыхает доха.
И гордо твое – не «хо-хо», не «ху-ху»,
Не «хрю», не «ку-ку», не «ха-ха».

Кричи, мой Гагарин, Гоген и Гюго,
В угаре, коль песнь дорога!
Покуда у нас эге-ге – ого-го,
Потуда весьма га-га-га.

Памятник гусю в Будапеште.
Основание колонны у жилого дома

Алексей Торхов

ДООС – торозавр
Николаев, Украина

Нога за 30 серебрянников

«Дым над водой». Металл над можжевельником. Маугли и Багира...

Стоят возле зоопарка. Вернее, бегут со всех ног. Куда-то вдоль по Чкалова.

И далее – с глаз долой из града вон! Но... Город умеет фиксировать! Вместо «стоп-кадра» в его аппарате – «окаменей-кадр». Он знает: это попытка побега – уж больно плохи дела.

Недавно недруги отрезали Маугли ногу по колено. Город восстановил – только без паники! Но всё чаще в закоулках Водопоя видят мстительные глаза тигра-зомби. А милицейские сводки умалчивают о рваных ранах на найденных телах...

Милая, помни: если однажды у Маугли отрежут голову – выход один. Вдоль по Чкалова.

И далее...

Примечания: Текст – стословие. Водопой – старое название одного из районов города. Памятник находится в конце ул. Чкалова и ориентирован строго вдоль улицы.

Монумент освободителям города Николаева от Шер-Хана
Скульптор Инна Макушина. Фото Алексея Торхова

«Всеобщего любимца в Николаеве – памятник «Маугли и Багира» – жестоко обезобразили. Вандамы ночью отпилили медному Маугли одну ногу. Всего забрали с собой три килограмма металла. Эта скульптура стоит на площади перед местным зоопарком уже 39 лет и является гордостью города!

– Подозреваем в содеянном взрослых, а не детей. – сообщила «БЛИКу» начальник УМВД области Оксана Иосипенко.

Самое любопытное, что воры на продаже меди много не заработают – максимум получают 30 гривен. А за то, что покусились на городской символ,

могут быть наказаны исправительными работами до трех лет или лишением свободы на два года».

Из городских СМИ. 06.09.2007

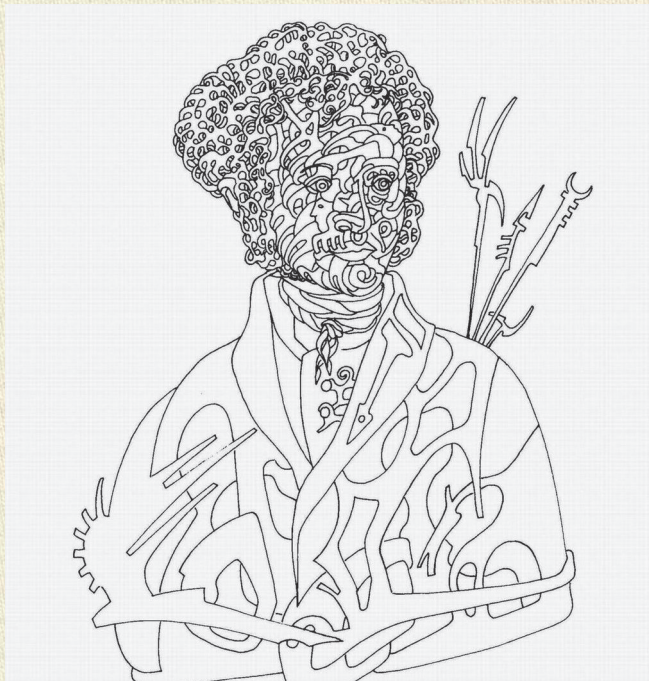
В этом доме в графстве Сассекс в Южной Англии. Редьярд Киплинг прожил с 1902 г. до конца жизни (1936). У Киплинга нет памятника, только бюст в местном Военном музее. Создатель Маугли, Багиры и прочих обитателей сказочных джунглей мог бы порадоваться славе своих героев. А огорчаться не стоит, ведь Маугли уже восстановился.

Александр Федулов

Пушкин. Рисунок Кристины Зейтуниан-Белоус Париж, Франция

Маленькие трагедии большой зависти

В черновых рукописях Пушкина имеется лист 1826 года со стихотворением «Под небом сладостным Италии своей...» (окончательный вариант – «Под небом голубым страны своей родной»). Под стихотворением шифр: «Усл. о см. 25. Усл. о с. Р,П,М,К,Б. 24». То есть – «Услышал о смерти Амалии Ризнич 25 июля. Услышал о смерти Рылеева, Пестеля, Муравьева-Апостола, Каховского, Бестужева-Рюмина 24». В стихах Пушкин говорит о том, как он пытался реанимировать былые чувства к умершей женщине, но тщетно. Отсюда замена Италии голубым небом, это уже другая любовь: «Все, что напоминает мне море, наводит на меня грусть – журчанье ручья причиняет мне боль в буквальном смысле слова – думаю, что голубое небо заставило бы меня плакать от бешенства» (из письма В.Ф. Вяземской, октябрь 1824 г.).

Я думаю, не случайно на обороте именно этого листа с таким знаменательным заглавием «Под небом голубым» Пушкин набрасывает карандашом список следующих произведений: «Скупой. Ромул и Рем. Моцарт и Сальери. Дон-Жуан. Иисус. Беральд Савойский. Павел I. Влюбленный бес. Дмитрий и Марина. Курбский». Вероятно, это замысел огромного цикла, хотя П.В. Анненков в «Материалах для биографии А.С. Пушкина» отмечает, что поэт никогда не делал перечета еще не существующим произведениям. В конце 1825 года («13 и 14 декабря. Бывают странные сближения» – в Питере восстание на Сенатской площади) Пушкин написал

«Графа Нулина»: «Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась...».

В августе 1826 года окончена 6 глава «Евгения Онегина» с дуэлью (поэт обозначает ее как Поединок). В XLIII строфе читаем:

*..Хоть я сердечно
Люблю героя моего...
Другие, холодные мечты,
Другие, строгие заботы
И в шуме света и в тиши
Тревожат сон моей души.*

Перечень произведений показывает, что это в буквальном смысле «дней минувших анекдоты от Ромула до наших дней», т.е. до времен Пушкина. Пружина сюжета – убийство.

Скупой рыцарь – заявка на убийство.

Ромул и Рем – зависть, убийство завистника.

Моцарт и Сальери – зависть, убийство завистником.

Дон Жуан (Каменный гость) – обыденность убийства, убивает поэт, убивают поэта.

Иисус – убийство инакомыслящего, проповедника, пророка.

Беральд Савойский – («Beralde prince de Savoie») – убийство императором Оттоном насильника.

Павел I – убийство vulgaris – типичное и для России, но как бы уже запоздалое именно в этом качестве – век другой.

Влюбленный бес – возможно, эту тему Пушкин пробоval и в устном рассказе «Уединенный домик на Васильевском» и в «Домике в Коломне».

Дмитрий и Марина – убийство царя-на-час (по Костомарову Дмитрий во многом предтеча Петра I); убийство досаждающей искательницы трона. Частично сюжет использован в Борисе Годунове.

Курбский – в буквальном смысле избегает смерти от царя своего, скупого и сумасшедшего Ивана. (Отклик на анаграмматичность: брук напоминает Брута и Мальбрука, который в поход собрался).

Список интересен и сам по себе. Темы, подразумеваемые им, охватывают некий нравственно-временной цикл. Если его представить в виде кольца, то обнаружим, что оно состоит из нескольких пар звеньев. Одни пары явные – Ромул и Рем; Моцарт и Сальери; Дмитрий и Марина; другие пары тайные – Дон-Жуан и Иисус; Беральд Савойский и Павел I; Курбский – и Скупой.

Замком, таким образом, является седьмое звено – Влюбленный бес, лишенный пары.

Осенью 1830 года в Болдино закончены: Скупой рыцарь – 23 октября; Моцарт и Сальери – 26 октября; Каменный гость – 4 ноября. Еще и Пир во время чумы. Обалденно!

Каменный гость

Самая большая из маленьких трагедий, объем ее равен объему трех остальных. В работе ««Каменный гость» Пушкина» Анна Ахматова убедительно обнаруживает биографическую подоплеку трагедии, указав в частности на то, что Дон Гуан – поэт. В исследовании Романа Якобсона «Статуя в поэтической мифологии Пушкина» доказана их символическая сущность.

Несколько слов о Пушкине-драматурге. Тонкий психологический рисунок трагедии есть первое действие; второе – собственно мизансцены – отдано на откуп постановщику. Я насчитал всего 38 кратких служебных ремарок, необходимых действию. Все остальное – место, время, возраст – в тексте.

О Доне Анне. Красивая молодая девушка из бедной семьи по велению матери вышла замуж за богатого графа, близкого ко двору испанского короля, и вскоре стала вдовой. Муж держал ее взаперти. Дона Анна строгих нравов, но она женщина и, должно быть, очень страстная, и знает это за собой. Отсюда ее каждодневные посещения могилы командора, своего рода епитимья.

Дона Анна постепенно втягивается в игру. Вся трагедия до восклицания Дон Гуана: «О боже! Дона Анна!» – игра. Игра в осаждаемую крепость. Дона Анна это понимает и принимает. Когда Дон Гуан признается, что он «жертва страсти», она не уходит и не настаивает, чтобы ушел он.

Д о н а   А н н а
О боже мой! и здесь, при этом гробе!
Подите прочь.
Д о н   Г у а н
Минуту, Дона Анна,
Одну минуту!
Д о н а   А н н а
Если кто взойдет!..

Ах эта оговорка! Это сигнал, и он понят, и начинается приступ. Дон Гуан – поэт, не расхожий трубадур, о творчестве которых Дона Анна вероятно имела кое-какое представление. Но она прерывает его ироническим замечанием о молчании, как бы говоря – принято к сведению, поговорим о главном: «И любите давно уж вы меня?» Дона Анна ожидает воспеваний своей особы, но ухажер не понимает и все тараторит о своей любви, о счастье. «Подите прочь», – говорит ему она и назначает свидание у себя дома. Замечание Лепорелло: «О вдовы, все вы таковы».

Из письма Пушкина к А.П. Керн (1825): «Говорите мне о любви: вот чего я жажду. А самое главное, не говорите мне о стихах...». Ей же: «Умоляю вас, божественная, снизойдите к моей слабости, пишите мне, любите меня, и тогда я постараюсь быть любезным».

Из письма (черновик) Н.Н. Раевскому-сыну (1825): «У женщин нет характера, у них бывают страсти в молодости; вот почему так легко изображать их».

Из письма А.Н. Вульфу (1826): «И что делает Вавилонская блудница Анна Петровна?»

Отчасти Дона Анна – это Пушкин.

Последняя сцена. Дона Анна уже решила сдать крепость, но требует от Дон Гуана отпущение грехов: «Диего, перестаньте: я грешу, / Вас слушая, – мне вас любить нельзя, / Вдова должна и гробу быть верна...» – и т.д. В этом отрывке задевает слух скопление двух «с». Слышится «васлу» и мелькает «вассал».

Начиная сцену, Дона Анна дает понять, что и она не лишена поэтических талантов: «Слезы / С улыбкою мешаю, как апрель».

Дон Гуан и Командор. Рисунок Владимира Миюшевского г. Владимир

Здесь enjambement выдает нам уже свершившееся внутренне подчинение – слезы-с. «Как апрель» – вполне характеризует поэтические притязания Доны Анны. Союз как Пушкин называл грубым: «Частица что вместо грубого как употребляется в песнях и в простонародном нашем наречии, столь чистом, приятном». (Возражение на статью «Атenea», 1828).

Пушкин – жене (16 дек. 1831): «Стихов твоих не читаю. Чорт ли в них, и свои надоели».

В самом начале сцены – вторая реплика – Дона Анна говорит: «Дон Диго, / Так вы ревнивы. – / Муж мой и во гробе / Вас мучит?»

Употребление в данном вопросе частицы *и* предполагает два варианта – либо Дона Анна что-то знает, что-то подозревает, что невероятно, но возможно, либо это обычная женская хитрость – Дона Анна все еще пытается выведать, как долго знает ее Дон Гуан.

Дон Гуан признается в убийстве Командора – Дона Анна падает, но не теряет сознания. Дона Анна переигрывает Дона Гуана. Она вынуждает его признаться и тем самым обрубает пути к отступлению. Желание признаться бродит в нем, потому что в нем зарождается любовь. Как человек чести, признавшись в убийстве, он не может не признаться в любви. Дона Анна выиграла кампанию, а Дон Гуан все еще старается о сражении:

*Но с той поры, как вас увидел я,
Мне кажется, я весь переродился.
Вас люблю, люблю я добродетель
(вот и отпущение грехов – А.Ф.)
И в первый раз смиренно перед ней
Дрожащие колена преклоняю.*

На что Дона Анна уже хозяйкой положения, победителем, пеняет Дон Гуану:

*О, Дон Гуан красноречив – я знаю,
Слыхала я; он хитрый искуситель.
Вы, говорят, безбожный развратитель,
Вы суций демон. Сколько бедных женщин
Вы погубили?*
–заставляя отречься его ото всех предшественниц:

*Дон Гуан
Ни одной доныне
Из них я не любил.*

Демоном Пушкин называет некоторых своих женщин, например, Собаньскую в черновом письме к ней: «В вас есть ирония, лукавство, которые раздражают и повергают в отчаянье. Ощущения становятся

мучительными, а искренние слова в вашем присутствии превращаются в пустые шутки. Вы – демон, то есть тот, кто сомневается и отрицает, как говорится в Писании». Демон ли Дона Анна?

И еще о признаниях. По преданиям (у Цявловской) Пушкин признался Наталье Николаевне в том, что у Воронцовой от него дочь.

«Но как же / Отсюда выйти вам, неосторожный!» – говорит Дона Анна, давая понять Дон Гуану, что крепость сдалась, что он и на сей раз победитель. И дальше идет уже спокойный деловой разговор. Он краток. Договариваются о времени и месте следующей встречи. Характерны фразы – в одно-два слова. Сцена сыграна по всем правилам приличия. Оба довольны. Но тут появляется статуя командора. И только с этого момента заканчивается игра и обнажается настоящая реальность: поэт счастлив быть не может. Вопревшее Прошлое не позволяет.

Сцена убийства Дон Карлоса и последующий разговор Дон Гуана с Лаурой напомнил мне «Сокровенного человека» Андрея Платонова: «Фома Пухов не одарен чувствительностью: он на гробе жены вареную колбасу резал...». Пушкин знал, что говорил, когда называл себя поэтом действительности.

И еще из лаборатории поэта. Дон Гуан прикидывает, как лучше обратиться к Доне Анне:

*С чего начну? «Осмелюсь»... или нет:
«Сеньора»... ба! что в голову придет,
То и скажу, без предуготовленья,
Импровизатором любовной песни...*

А вот отрывок из уже цитированного письма Н.Н. Раевскому-сыну (черновое, по-французски): «Читайте Шекспира, он никогда не боится скомпрометировать своего героя, он заставляет его говорить с полнейшей непринужденностью, как в жизни, ибо уверен, что в надлежащую минуту и при надлежащих обстоятельствах он найдет для него язык, соответствующий его характеру».

Дон Гуан по отношению к своей маске героя-любownika – Шекспир; и Пушкин – вот фрагмент из сцены признания в убийстве:

*Дон Гуан
Не смею.
Вы ненавидеть станете меня.
Дона Анна
Нет, нет. Я вас заранее прощаю,
Но знать желаю...
Дон Гуан
Не желайте знать
Ужасную, убийственную тайну.*

Он и в такую минуту не удержался от каламбура

Разговоры

люблю когда зрачки
разворачиваются как ежи
и показываются сизоголубые дельфины
говорить и слушать
слушая и отвечая тому что
из пауз меж слов
сочно веет теплом
сообщающейся глубиной
и капли: кружево вечера
где прозрачность красоты
в неизведанное:
и зрачки дребезжат

Юрий Метелкин

* * *

так воздух испаряется,
едва,
помножишь одиночество на два,
на две души,
на два бездомных тела,
на тишину, уснувшую несмело,
на аспидной поверхности окна,
в котором нет ни воздуха, ни дна,
в котором ледяной хрусталь бессонниц,
ворует жизнь, присев на подоконник,
высасывая дух из-за плеча,
соломиною лунного луча,
там сердце, зарифмованный кузнецик,
в беспамятстве играет в чёт и не чет,
там вымокнув в муке и молоках,
поселятся туманы на висках,
и там сентябрь, напившийся до жути,
грозит в окно парами красной ртути...
...но медленно ложишься на кровать,
...уснуть, проснуться,
снова воровать,
у этих стен таинственных и плоских,
согласных стон и гласных отголоски,
и платья шить из этого добра,
озвучивая призраков парад,
и там неважно,
крой ли то немецкий,
или хитон монаший, или светский,
им нужен кров,
...истлевшая душа,
жива, пока ей память ворошат,
и от одной отчаянной молитвы,
срастутся вены порванные бритвой,
...и встанет Лазарь, и начнется ход,
пружина ахнет, и качнется свод,
...и кто-то там, в сиреновом кафтане,
потрёт ладоши, лежа на диване,
подвесив ключ ото всего на свете,
на гвоздь, который ничего не весит...

Луиза Буржуа «Светящиеся глаза»
Вильямстаун, США

Анна Перекрестова

Клинцы

* * *

Чей глаз сверкающий, что свет приемлет,
Что делит дольний мир, и сам дробясь,
И обнимает небеса и землю,
Как некая магическая связь?
Откуда в нём решительность и страсть
Всё отражать, стыдливости не внемля?

Глаз отражает мир наш идеально
Иль поглощает наше существо.
Кто знает, что таится в Зазеркалье,
Что поразит нас более всего,
Что для него так важно и ментально,
Когда сумеем и шагнём в него?

* * *

Большое зеркало — моё наследство.
Я, посмотрев в него, не только вижу
Себя, какой была, какая есть я,
Но словно глас из Зазеркалья слышу:

«Ты жаждешь посмотреть в меня как в друга.
Бесстрастное, я понимаю чувство
И вижу всё: от счастья до испуга.
Безгласным быть — великое искусство.

Всё удержу, что в памяти удержишь,
Всё возвращу по твоему желанию.
Я укрепляю веру и надежду,
Готовая к любому испытанию.

Во мне твой свет и радость, и страданье
Удваиваются в луче невольно.
Я — это ты, двойник твой для закланья,
Когда смеёшься иль кричишь от боли.

Что от меня ты ждёшь, чего ты хочешь?
Я без тебя рассеяно и пусто.
Во мне сама себе судьбу пророчишь.
Безгласным быть — великое искусство».

Алина Витухновская
друг ДООСа

Эдит Пиаф

Храни Эдиту Пиафе
Один ли, Дионис!
Гибельность биографий
Гениальных актрис.
Храни Эдиту Пиафе.
В храмы шансон верни.
Лютики Люфтваффе.
Асфальтовые огни.

Фарфоровых фар фиалки –
Орали её глаза
В кукольном катафалке
Кондуктор, на тормоза!..

Над Родиной Вольтера
Стул 220 вольт.
Электрических кресел эра.
Репрессивный комфорт.

Кокотка готично-белая
Выщипывающая бровь.
В депрессии поседела.
Серебряная нелюбовь.

Капризно-харизматичная.
Абрикосовых щёчек блед...
Критичная. Эклектичная
Эдита почти is dead.

Лютиками Люфтваффе
Сцена освещена.
Пела Эдит Пиафе,
Священная, как война.

Демоническим сексом,
Магической пустотой,
Она убивала песней
Плесень покорных толп.

До будущего Норд Оста
Лет ещё этак сто.
Это террор голоса,
Театр Арто.

Мёртвых – пустые морды
Рыхлые рыла лиц,
Ещё сто Нордов,
Тогда вы падёте ниц?!

Вы хотели искусства,
Что же вам жалко тел?
Вы погибли в предчувствии,
Почуяли свой предел.

А выжившие, словно коршун
Кружили над телом Эдит.
Боже, такую крошечную
Тоже не пощадит?

Орали похотью потною,
Хватали свои монеты.
Убивали деву оперную
Как Марию Антуанетту.

Верёвка ли, гильотина?
Выстрел из пистолета?
Солнце ли закатилось
Головою Антуанетты?

Тонкою Афродитой
В чернь пади.
Пиар Эдиты –
Пуля в её груди.

Утрирую как автор
Кошмары твоей судьбы
В тебе лавкрафтовское
Когда-нибудь победит.

Пройдя сквозь Кафку,
Выйдет оно насквозь.
Аид Пиафе.
Ты в ад забита, как гвоздь.

Твой ад внутри тебя.
Лавкрафт лакает кровь.
Чудовище-победитель
Клещами выщипет бровь.

Нутрь твоя выдрой дикой
Копирует образ твой.
Это не ты, Эдита.
Эдита, вой!

Фарфоровых глаз распался
Фиалковый твой зрачок.
Пиаф фарса.
В анфасе – ты чёрт.

Твои папиросы
Врастают в отверстие рта.
Ты безволоса,
Безголоса, пуста.

Славы краткость
И красота в кредит.
Сон лавкрафтовский.
Проснись, Эдит!

Седеют ли звёзды Франции,
Стареют ли лица див?

Голова королевы катится,
Улыбаясь тебе, Эдит!

Тебе посвятят сонеты
Поклонники. Снова правь!
Арию Антуанетты
Пела Эдит Пиаф.

Но снова на гильотине
Дрожала шейка Эдит.
Отныне ты вновь Богиня.
Но помни про свой Аид!

Наступает расправа.
Чудище удави.
Ты не имеешь права
Не быть объектом любви.

Ты в капкане таланта,
Нетленности, красоты.
Ты в бриллиантах
И погибнешь не ты.

Ты морфином
Прокалываешь иконы,
Чтобы Марии на гильотине
Не было больно.

Грамофоновая икона,
Шансоновая графиня.
Ты стоишь на балконе,
Будто на гильотине.

И на сцене огромной
Ты стоишь в середине,
Сохраняя готовность
Только лишь к гильотине.

Даже Эйфелевой башни
Наклонённые тени
Так похожи на страшное
Гильотин тяготенье.

Королевская память
У народной певички.
Пролетарская падаль
В пустой электричке

Памятник Эдит
Пиаф в Париже.
Скульптор Лисбет
Делисл

И подходят бандиты,
Как подходят к блядам:
«Что за пафос, Эдита,
И каким королям

Ты привыкла
кривляться?»
«Пролетарская мразь!»
– Разнесли папарацци
Эти несколько фраз.

Вы остаток истории
Дожевали бессмысленно.
Но немногого стоили
Пролетарские вымыслы ....

Для какого народа
Улыбалась с афиши?
Ты уже больше года,
Больше ада молчишь.

Но не трёл патриотки,
Исторический трип
Стал в твоей обработке
Как магический клип.

Ораторию горя
Ты исполнила, гордая,
На окраине города
Ты входила в историю.

Вновь молились поэты
На портреты Пиаф.
Пролетарское гетто
Исчезает в церквях,

Исчезает в трактирах,
Да в убогих домах,
Ибо чёрные дыры
В голубых небесах.

Тамплиеры порока,
Человечья труха,
Подчинения року
Шелуха, шелуха...

После оргии страстной
Стали строже, грустней.
Королеве прекрасной
Только ей, только ей.

Неуклюже молились:
«Королева, прости!
Мы бы с жизнью простились,
Лишь бы только спасти...»

В параллельном пространстве,
Где столетия назад
Королеву со царства
Чернь отправила в ад,

Королеву Марию
Приводили на казнь.
К ней явились святые:
«Мы молились за вас!»

Она видела крылья,
И не видела грязь.
И они от бессилья
Замолкали, стыдись.

Королева Мария
Умирала, смеясь:
«Не сумела на крыльях,
На руках унеслась».

Это ангелы гетто
Заменяли богов.
Ради Антуанетты
Дали смерть, как любовь.

Храни Марию Пиафе!
В храмы шансон верни.
Лютики люфтваффе,
Асфальтовые огни.

Мария на пуантах
Тонула как Ундина.
Ласково пала Анна
В озеро лебединое.

Ундина с лицом Юдифи.
Модифицированная Ундина,
Иди трудиться над мифом.
Мифы непобедимы.

Ошалевшая королева.
Француженка в шлейфе крови.
Орлеанская дева,
Ты распята любовью.

Франция шансоном,
Пастью той гильотины
Постигала резоны
Отрезанной головы, но...

Королева переродилась
В Эдит Пиаф.
Ты народом гордилась.
Народ был прав.

Мёртвая королева,
Скелета арфа,
Ты стала на годы, девочка,
Кредитом Пиаф.

Твои жемчуга и злато,
Твоя душа –
Кредит таланта.
Тебе решать –

Остаться аристократкой,
Плебс кланя.
Или певичкой простоватой
В ресторанчике подрабатывать
День ото дня?...

Французская королева,
Грязь выноси!
Ты на коленях,
Ты в грязи.

Когда инквизитор
Тебя казнил,
Он тебя не унизил,
Ибо гнил.

Значит пьяный хозяин,
Что бьёт хлыстом,
Более невменяем.
Он никто.

Поёшь, скребя на виниле
Шансон любви.
Они тебя полюбили.
Ай лав ю без головы.

Шансоновое – ноль шансов.
Песни для бедняков.
Их постоянство
Не лишай глубины основ.

Пиаф, ты из пыток клиповых
Вырвалась триумфатором.
Тебя рисовал Дали. Вылепил
Из мелодии даму фартовую.

Пиаф – ты фиалка в пыли.
Твою эпитафию
Напишет Новый Поль Валери.
Смерть пафосна.

Век пафоса. Купила б Фиат!
Но ты простая до наглости:
Ты дикая, ты Эдит Пиаф
В предельности идеальности.

В туризме не раньтесь Францией!
Она гвоздика, Эдит!
Эйфелева безбашенность
Голову вам вскружит!

Золушкой шансоновую
В славу вошла. Гляди,
Париж в облака неоновые
Транслирует иконы Эдит.

Внимание!

Оформить подписку на журнал ПОэтов можно:

- во всех почтовых отделениях;
- в подписных агентствах и их региональных представительствах

Стоимость подписки на 1 месяц:

88 руб. 00 коп.

ПОдписной индекс: 81745

В Объединенном каталоге
Пресса России (том 1)
«Журнал ПОэтов» на стр. 265

Ж У Р Н А Л

№ 10-11 (32) 2011

ЭТОВ

«Журнал ПОэтов»

Учредители

ООО «Эхо планеты», Константин Кедров, Елена Кацюба

Идея журнала и творческая концепция группа ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз) при участии Русского Пен-клуба, Факультета Поэтов и Философов Московской академии образования, при поддержке Региональной общественной организации «Центр современного искусства»

Главный редактор

доктор философских наук
Константин Кедров

Директор издательского проекта

кандидат исторических наук
Эльмар Гусейнов

Редакционный совет

Е.Кацюба (ответ.секретарь);

В.Ахломов; С.Бирюков — доктор культурологии (Германия);

А.Бубнов — доктор филол.наук;

профессор В. Вестстейн (Нидерланды);

А.Витухновская; А.Городницкий —

доктор геолого-минералогических наук;

К.Ковальджи; А.Кудрявицкий (Ирландия);

Б.Лежен (Франция); В.Нарбикова;

В.Рабинович — профессор Института культурологии

Арт-директор — Олег Михайлов

Макет номера — Елена Кацюба

Дизайн обложки — Андрей Врядий

на основе рисунка Константина Кедрова.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции.

Тираж 1000 экз.

Цена свободная.

Номер подписан в печать 30.11.2011

Отпечатано в ООО «Графика» в Москве.

Адрес редакции

15009, Москва, Тверской бульвар, д.12 стр.1

Телефоны:

(499) 791 0398 — для справок

(499) 791 0403 — распространение

(499) 791 0409 — факс

Адрес в Интернете www.ekhoplanet.ru

e-mail ekho@ekhoplanet.ru

Ф.СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на

журнал

81745

(индекс издания)

журнал ПОэтов

(наименование издания) | количество комплектов

на 2012год (по месяцам):

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(Фамилия, инициалы)

Допоставочная карточка

ПВ место литер

на журнал

81745

(индекс издания)

журнал ПОэтов

(наименование издания)

СТОИМОСТЬ	подписи	руб.	коп.	количество
перепечатки	руб.	коп.	комплектов	

на 2012год (по месяцам):

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(Фамилия, инициалы)

БИБЛИО-ГЛОБУС

ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

Комплектование библиотек

Антиквариат и коллекционные товары

Информационные терминалы

Более 200 тыс. наименований книг и учебников

Канцелярские и офисные товары

Встречи с писателями и читательские клубы

VIP-обслуживание, комплектование библиотек

Детский клуб «Библиоша»

Подарочные карты

Фильмы, музыка, обучающие программы

Электронные книги и ридеры

Библио-Глобус
туроператор
www.bgoperator.ru

Билеты в театры, на концерты

Интернет-магазин
www.bgshop.ru

Москва, ул. Мясницкая, д.6/3, стр.1; (495) 781-19-00

www.biblio-globus.ru

ПОслушайте

ЖУРНАЛ
ПОЭТОВ

В следующем номере приложение — CD-диск с избранными произведениями в исполнении авторов «Журнала ПОэтов»

Спецпроект подготовлен
совместно с фондом «Русский мир»
и Интернет-радио «Русский мир» www.rmm.fm

ПО
к.о

Памятник Кафке в Праге. Скульптор Ярослав Рона.